

Алексей Арутюнов

Вне сна

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10601585
А. Арутюнов Вне сна: "Написано пером"; С-Петербург; 2015
ISBN 978-5-00071-297-9

Аннотация

Мужчина средних лет, живущий в крупном городе и пытающийся искать смысл жизни в свободное от работы время, сталкивается с молниеносной чередой неудач. Эти неудачи дают ему дополнительную пищу для размышления, и, кроме того, одновременно в его жизни появляется новый знакомый, чья точка зрения на предназначение главного героя является не только шокирующей по своему смыслу, но и безальтернативной для реализации... Главный герой оказывается в незнакомом ему пространстве, где никаких компромиссов с реальностью быть уже не может.

Книга содержит альтернативный взгляд на ряд явлений жизни человека.

Содержание

Вступление	5
Часть Первая. В меру смешная	6
Альберт	7
Внешний вид Альберта	8
Автомобиль Альберта	9
Счастье Альберта	11
Работа Альберта	12
Дама сердца Альберта	19
Трещина	21
Часть вторая. Конец мира	27
Где истина? Беседа в движущемся автомобиле	27
Встреча в кофейне	30
Послевкусие	37
Поиск	39
Вторая встреча в кофейне	40
Осознание	42
Конец мира	45
Часть третья. В новом пространстве	46
Лекция	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Арутюнов

Вне сна

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© А. Арутюнов, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

Вступление

Ничего ли я не забыл?..

Совершенно внезапно я задал себе этот вопрос очередным утром, стоя перед дверью и собираясь выходить из дома. Раньше я неоднократно спрашивал себя то же самое, вспоминая, не забыл ли я ключи, зонт или любую подобную ерунду.

Но в этот раз речь шла о другом.

Мне нужно было сделать кое-что. Пожалуй, довольно-таки давно. Пожалуй, я даже слегка запаздывал с этим. Сильно запаздывал, пусть так. Но я понятия не имел, что в действительности от меня требовалось. Скорее, я понимал, что именно мне нужно было разрешить внутри себя через эти действия, но суть самих действий оставалась для меня совершенно недоступной.

Неожиданно появившийся в моей голове вопрос был будто чьим-то риторическим вступлением перед тем, как прозвучал бы сам ответ. Это была новая для меня вспышка осознания; ощущение, которое я пытался поймать за хвост и вытащить через него, – что же именно я не мог понять долгое время. Ощущение мелькнуло мгновенно, там, в коридоре, но, вопреки моим ожиданиям, никаких ответов в нем я не нашел. И лишь с сожалением наблюдал, как стремительно таял его след. Это было не просто обидно: это было так, будто при прослушивании напряженного музыкального произведения тебя лишили звуков последнего аккорда, поселив в сознании глубокое чувство неразрешенности.

Произошедшее заставило меня вернуться в комнату и временно отложить выход.

А потом все пошло наперекосяк...

Мужчина замолчал, продолжая пристально вглядываться в зеркало, которому секунду назад вслух пересказывал свои воспоминания.

Общение с зеркалом однозначно не входило в привычку этого вполне здравомыслящего взрослого человека. Но изредка в разумных количествах он вынужден был использовать свое отражение в роли комфортного собеседника, пусть специфического, но обладающего ценными преимуществами.

В жизни этого человека существовал ряд тем, для обсуждения которых он в большинстве случаев не находил собеседников более вдумчивых и понимающих. По необъяснимым причинам в его окружении предпочтение отдавалось вопросам совсем другого толка, а некоторые явления и вовсе не имели каких-либо четких следов в известных культурах.

Ему, к примеру, совершенно не с кем было обсудить ощущение, что многие вещи вокруг он понимает лучше, поскольку ему доступен некий альтернативный уровень взаимодействия с ними. Уровень, который едва поддается его же собственному пониманию и управлению. Среди его знакомых не было людей, с кем можно было бы свободно поговорить о содержании отдельных реплик и целых высказываний, которые Альберт мог слышать между реальностью и сном, удерживая себя в этом состоянии достаточно долгое время. Ему некого было спросить, почему его время уходит не так, как время других людей. Откуда в нем неутолимая жажда заполнить свою жизнь до последней секунды. И почему, после того как он наполнил эту жизнь обыденными, желанными и даже труднодостижимыми для многих составляющими, его болезненно ими же и вытошнило. И потому человек, о котором идет речь, предпочитал обсуждать подобные вопросы с зеркалом. Да и то крайне редко.

**Часть Первая. *В меру смешная*
Кто этот странный человек,
разговаривающий с зеркалом?**

Альберт

Человека, беседующего со своим отражением в зеркале, звали Альберт. И те незаурядные события, что ожидали его в скором будущем, требуют предыстории.

На момент начала повествования Альберт находился в том возрасте, когда безудержная погоня за амбициями сменяется менее торопливыми пробежками между приоритетами, но приоритеты все еще далеки от истинных ценностей. Даже в общепринятом их понимании.

Жизнь Альберта протекала в социуме, где ему, как новому посвященному, с самого начала был предоставлен набор установленных в этом социуме правил восприятия окружающего мира. Преподнесенная Альберту доктрина мира была исключительно проста и понятна. Ему рассказали, что во всем есть два крайних полюса – хорошее и плохое, прошлое и будущее, близкое и далекое, красивое и уродливое, и т. д.; и попросили его ни при каких обстоятельствах не выходить за их пределы. Зато все, что располагалось между полюсами, было в его полном распоряжении. Альберту объяснили, к чему нужно стремиться, а чего стоит избегать, что существует, а чего не бывает, как правильно, и как неправильно, чем постарались исключить любые неожиданные повороты в его мышлении.

Сам Альберт интуитивно чувствовал непростительную ограниченность столь линейной концепции мировосприятия, отчего относился к ней с долей скептицизма. Однако, будучи человеком гибким, с легкостью использовал ее в качестве основополагающей при взаимодействии внутри подчиненного ей социума.

Взаимодействием этим он был занят почти все свое время, свободное ото сна, отдавая предпочтение целям, продиктованным самой же концепцией. В результате такого выбора эта сомнительная, но распространенная версия мировосприятия довольно быстро заняла практически все мышление Альберта, вытеснив интуицию на задворки. Жизнь же его при этом постепенно превратилась в неконтролируемую помойку из всякого рода требухи, составляющей обязательные части общепринятого образа успешного человека.

К известному возрасту Альберт почти всецело являлся:

- внешним видом Альберта,
- должностью и работой Альберта,
- машиной Альберта,
- личной жизнью Альберта,
- квартирой Альберта и ее обстановкой,
- друзьями Альберта,
- планами Альберта,
- представлениями об Альберте других членов социума,
- набором стандартных мыслительных процессов, позволяющих видеть себя личностью и оценивать себя как личность;
- а также другими предметами, отношениями и категориями, обеспечивающими поступательное развитие социальной жизни любого члена современного общества. А сами эти составляющие оказались так глубоко вшиты в личность Альберта, что правильно было бы остановиться на некоторых из них подробнее. Хотя бы лишь для того, чтобы больше к ним не возвращаться.

Внешний вид Альберта

Сам Альберт и Внешний вид Альберта определенно не являлись одним и тем же, что, впрочем, не мешало им существовать в качестве единого целого. Скажем, эти двое походили друг на друга. Глядя на них, сложно было определить, кто являлся чьим детищем, однако доподлинно известно, что Внешний вид Альберта в течение своего существования претерпел больше изменений, нежели его спутник; стал более интересен и привлекателен; больше нравился женщинам и, наконец, обрел свой сложно повторяемый стиль.

Внешний вид Альберта был в большинстве случаев приятен собою, хорошо сложен, подтянут и гладко выбрит. Он не бросался в глаза, однако нередко входил непосредственно перед своим спутником и диктовал окружающим, как стоит вести себя с Альбертом, и о чем с ним говорить. Внешний вид Альберта старался отвечать тенденциям моды и подходить под ту или иную ситуацию. В домашней обстановке Внешний вид был слегка расхлябан в пользу комфорта спутника, в условиях времяпрепровождения с друзьями – легок и неприметен, на свиданиях с очаровательными дамами – преображался, тая в себе неброское очарование и элегантность... На работе Внешний вид Альберта имел выглаженные сорочки, хорошо сидящий костюм, иссиня черные ботинки и неприступность каменной стены. Именно так он бы и предстал перед читателем, если бы имел возможность выбора времени начала первой сцены: ряд гляцевых пуговиц, воротник рубашки, будто случайно застегнутой не до конца и слегка небрежно; светлые запонки и часы с крайне интересным механизмом.

За период своего формирования Внешний вид успел прочувствовать на себе сначала теплую, хоть и не слишком навязчивую опеку заботливых родителей Альберта; затем наиболее прогрессивные тенденции подростковых поисков смысла бытия; далее были периоды душевного запустения Альберта, покрывавшие Внешний вид заметной дымкой потертости и изношенности... Со временем все нормализовалось, внешний вид мужал, набирался опыта и блеска, и в определенной степени научился соответствовать пожеланиям спутника. Благо, бури фантазий у того в голове с возрастом поутихли.

В настоящее время Внешний вид по большей части занимался тем, что бесцельно слонялся с вечно занятым Альбертом, практически насильно вытягивая из окружающих хоть каплю симпатии к спутнику. Отдельно с ним пока не здоровались, что по понятным причинам вызывало в нем некоторую обиду, но в приветствиях, обращенных к Альберту, он периодически слышал нотки внимания к себе. Он был молчалив, деликатен, не разменивался по пустякам. И Никогда. Ни с кем. Не вступал. Ни в какие споры. Внешний вид Альберта был настоящим джентльменом.

Автомобиль Альберта

Автомобиль этот был марки именитого авто-концерна, чья продукция славилась претенциозностью и нередко использовалась не столько для передвижения, сколько для демонстрации благосостояния владельца.

Машина играла несколько ролей в жизни Альберта, и каждая роль, как это полагается, имела свою важность и свои функции.

1. Средство передвижения.

Машина нередко служила средством передвижения для ряда составляющих главного героя. На ней частенько ездили сам Альберт; Я Альберта, как обязательное дополнение Альберта; личная жизнь Альберта в виде его близких и не очень подруг. Внешний вид также ездил на Автомобиле, и эти двое гармонировали подчас не хуже, чем сам Альберт с любым из них. Друзья Альберта ездили от случая к случаю; Планы Альберта не уживались с необходимостью следить за дорогой, и встречали Альберта уже при выходе из Машины, лишь изредка проникая в нее во время простоя в пробках. Работа Альберта Машиной не пользовалась, так как была гордой и ко всему прочему стационарной. И Квартира Альберта в Машине не ездила. Не помещалась.

2. Спецэффект.

Наряду с Внешним видом Альберта его Машина была определенным посылом окружающим, несущим первоначальный блок информации о владельце. При удачном стечении обстоятельств эти двое могли творить с мнением окружающих если не чудеса, то фокусы уж точно. Конечно, в пределах своей постоянной среды обитания – крупного мегаполиса, где подобных фокусников неполная сотня на километр квадратный, трюки с удержанием внимания удавались с каждым днем все хуже, зато уже в близлежащих некрупных населенных пунктах местные дамы весьма охотно обращали свой пытливый взгляд на элегантные линии черного седана с интересным Внешним видом внутри...

3. Символ.

В странном социуме, где коротал свой век Альберт, люди всячески старались поделить себя на разного рода касты, принадлежность к которым непременно должна была сопровождаться своей символикой. Это была своеобразная игра для взрослых: символ менял отношение к человеку других людей и менял представление человека о самом себе. И, пожалуй, все. Никаких более существенных бонусов обладатель символа, как правило, не имел. Автомобиль в данном случае являлся как раз одним из таких символов. К какой именно касте, в соответствии с имеющимся символом, принадлежал Альберт, он точно не понимал. Да и не задумывался над этим, намеренно не засоряя свое мышление до уровня федеральной свалки. Но судя по определенному уважению на дорогах, автомобиль его точно нес в себе некую скрытую информацию для других участников движения.

Альберт холодно относился к играм соплеменников в касты, но и переубеждать никого ни в чем не планировал. Играючи при этом справляясь с соблазном присвоить волшебные свойства автомобиля самому себе.

У автомобиля Альберта были и другие роли. Все они скопом честно выполняли свою работу вплоть до того самого момента, пока этот автомобиль в результате внезапного ДТП не обнял своим обворожительным носом стоявший на обочине столб. Случилась эта неприятность буквально за пару недель до начала нашего повествования. Спасая здоровье водителя, автомобиль в момент удара честно выстрелил в Альберта всеми имеющимися подушками безопасности, выплюнул двигатель на мостовую и печально развалился на месте аварии в ожидании представителей власти, страховой компании и, возможно, компании, обслуживающей мачты освещения на этом участке дороги.

Если не вдаваться в эмоциональные подробности, Альберт был неприятно удивлен таким неожиданным развитием событий. Впрочем, как выяснилось совсем скоро, неприятности только начинались, ставя под угрозу тщательно спланированное счастье главного героя.

Счастье Альберта

Счастье Альберта появилось в его жизни не просто так. Оно не было найдено в почтовом ящике или в таинственной тумбочке, запирающейся волшебным ключом, не упало на Альберта с балкона третьего этажа, выроненное рассеянным владельцем, и точно не было подарено на восемнадцатилетие улыбчивой феей...

Счастье Альберта явилось результатом поэтапного достижения им каждой из поставленных целей, рядом знаковых эпизодов, каждый из которых нес в себе символ успеха и нового социального статуса. Альберт рос в своих глазах, в глазах других, наблюдал за положительными оценками самого себя со стороны окружающих, прислушивался к чужому мнению и советам, и на основании общих тенденций окружающего мира рисовал свое видение себя, трансформируя под это видение свою личность. Эскиз счастья был продиктован строгим мнением общественности, мягко подправлен под собственное «я» Альберта и воплощен в реальность. Картина в итоге получилась весьма впечатляющая с точки зрения не только посторонних людей, но и субъектов, так или иначе входящих в окружение главного героя.

Работа Альберта

Стоит ли говорить, что к началу описываемой истории никакой работы у Альберта уже не было? Ах да, это чуть позже. А еще недавно работу Альберта можно было охарактеризовать примерно такими вырванными из общих речей фрагментами:

«...Альберт, спасибо, что взялись вести этот проект. Нам очень важно, чтобы все прошло успешно, а одна из основных гарантий качества – это сотрудники, воплощающие в жизнь идеи. Воплощающие их качественно и быстро. Именно поэтому мы и предпочли, чтобы проводили реализацию именно Вы...».

«...эта задача слишком амбициозная, а мы сейчас должны трезво оценивать наши возможности. Хотя... возможно, у нас есть один менеджер, способный делать невозможное в такие сроки».

«Тебе придется брать это на себя, ребята из департамента продаж не могут найти подход к заказчику, а пролететь с такими деньгами мы не можем!»

Это был выглаженный и напудренный успех, приправленный существенным финансовым вознаграждением.

Альберт был наемным, но в то же время вольным работником, получающим оплату за результат своих действий. Основной его задачей было соединение всех звеньев цепи, дающей результат. В начале его торжественного восхождения по карьерной лестнице звенья были послушными и малочисленными, цепи получались гладкими, однозначными, но больших бонусов не сулили. Позже схемы в голове Альберта становились сложнее, цепи удлинялись, звенья зевали, не придерживались сроков и требовали к себе особого отношения; такие цепи были более трудоемкими, более рисковыми, но в тоже время и оплачивались они иначе. Альберт организовывал наиболее массивные и ответственные сделки, разрешая самые непростые ситуации с участием самых заносчивых и капризных клиентов.

Первое время неиссякаемый запас энергии Альберта позволял относиться к «фокусам» клиентов без особого скепсиса и даже с определенной долей юмора; дальше юмор трансформировался в иронию, от которой с упоением хрюкала циничная часть офиса, а руководство старалось делать непонимающие глаза, но украдкой тоже посмеивалось. В апогее своего творчества Альберт стал проводить целые кампании по внутрикорпоративному высмеиванию особо неадекватной части клиентской базы. Злобы в этих клоунадах почти не было, и работодатели Альберта смотрели на них сквозь пальцы.

Юмор иссяк внезапно, с продажей компании, в которой трудился Альберт, новым акционерам. В компании появилось новое руководство, которое, как это водится, без объявления войны ввело свою политику и свои правила. Все эти нововведения, имеющие характер исключительно антигуманный, на удивление быстро набрали обороты и перенастроили общую систему таким образом, что уже через пару месяцев мозг Альберта начал демонстрировать признаки повышенного износа.

Через силу выдавливая из себя остатки бывшего юмора, Альберт окрестил нововведенную политику Стресс-кодом, воспользовавшись в качестве лингвистической основы распространенным названием кодекса стиля одежды. В случайный момент, почти не отрываясь от листа бумаги, он накидал целую презентацию этой политики. Презентация получилась в лучших рекламных традициях и без долгих размышлений со стороны автора была направлена электронным письмом в департамент персонала. С предложением использовать ее при приеме на работу новых сотрудников. Нажимая на кнопку «Отправить» почтового клиента, Альберт испытывал характерную резь в животе, отчетливо понимая, что этой выходкой делает себе профессиональное хакири.

Стресс-код. Лирическое отступление № 1

В нашей организации действует строгий стресс-код. И это важно!

Вы чувствуете себя бодро? Вы полны идей? Чувствуете в себе силы действовать эффективно? Вы улыбаетесь? Вы будете делать это недолго.

И суть даже не в том, что мы выдадим из Вас все Ваши силы в обмен на деньги. Мы сделаем Вас пустым. Мы поселим в Вас неуверенность и нервозность, мы планомерно будем возвращать в Вас осознание личной несостоятельности, пока оно не вырастет в Вас с корнями. Если Вы думающий человек, Вы сами ускорите процесс своего уничтожения, так как не будете способны найти ответ на возникающий у Вас вопрос: зачем?

Запомните несколько несложных правил.

1. Вы должны работать постоянно, без передышек, не отрывая взгляд от монитора. Мы опустошим вас и выбросим на помойку. И Вы скажете нам за это «спасибо», так как в противном случае Вы еще очень долго не сможете найти себе работу в этой сфере.

2. Ваш рабочий день начинается в момент подписания контракта и заканчивается в момент его расторжения. Все остальное время: Вашего пребывания в офисе и вне, Ваши выходные, отпуска, время сна и приема пищи, время, когда Вы находитесь в туалете или занимаетесь сексом – куплено компанией. Когда Вы не работаете, Вы обкрадываете компанию.

3. Вы должны давать результат, и результат этот должен быть недостижим. Если Вы достигли данного результата, значит, это не тот результат, которого мы от Вас ожидали. Результата, который нам нужен, Вы не достигните, и будьте уверены – мы будем напоминать Вам об этом при каждом удобном случае. При каждом удобном Нам случае.

4. Все, что Вы делаете в рамках своего рабочего времени – каждый ваш шаг, каждое письмо, каждое предложение – есть дерьмо и абсурд. Как исполнитель, менеджер, либо генератор идей Вы не состоялись. Ваши идеи нелепы, и их реализация мгновенно приведет к дефолту. Не нужно что-то доказывать нам, приводить цифры, свой предыдущий опыт, опыт других компаний или здравый смысл. Просто уясните это.

5. Вокруг вас будут люди, которые исполняют, руководят, либо рождают идеи хуже вас, либо не делают этого вовсе, но их труд ценится выше, их лишённые смысла идеи воплощаются в жизнь, и руководство заглядывает им в рот. Ваша задача в этом случае – наблюдать за происходящим, молчать и продолжать хавать. Если Вы попросите пояснений, Вас уничтожат на месте. И не забывайте при этом ежеминутно задаваться вопросом: почему так? Ведь без этого вопроса Вы не сможете пребывать в состоянии постоянного стресса. Что, в свою очередь, противоречит условиям нашей компании.

6. Ваш труд будет оплачиваться недостойно. Но вам будут ежедневно говорить, что Вам переплачивают. Человек, который будет говорить Вам это, будет врать Вам в глаза; и он, и Вы будете прекрасно понимать, что слова его – вранье. Он будет понимать, что Вы понимаете, что его слова – ложь. И Вы будете понимать, что он это понимает. Но от этого ничего не изменится. Потому что вы оба работаете в компании, где действует строгий стресс-код. И менять его – вне ваших полномочий.

Беспрекословно используя эти простые правила, в работе Вы сможете чувствовать себя так... как нам это нужно.

Компания же, со своей стороны, обязуется оборудовать Ваше рабочее место столом, стулом, компьютером, настольной лампой и устройством, собирающим Ваши эмоции и энергию. Эта энергия обеспечивает электричеством весь офис. Если Вы перестанете уставать, чувствовать себя паршиво и находиться в отвратительном настроении, в офисе выключится свет. Вы ведь не хотите работать в темноте?!

Итак, на работе Альберта начались проблемы, что, впрочем, гармонично вписывалось в общую картину происходящих с ним событий. К собственной тревоге Альберт уже тогда не был сильно удивлен чередой своих неприятностей, подозревая между ними прямую взаимосвязь. Однако озвучивать ее себе все еще не решался.

В очередной вечер Альберт сидел за рабочим столом и устало потирал глаза рукой. В последние недели этот жест прочно застрял в его жизни. Несколько часов сильной концентрации заставили мозг выкипеть до последней капли, и теперь в голове было так же пусто, как и в домашнем холодильнике. Ловить зашуганные мысли в таком состоянии было несложно: они уже не носились стремглав через всю голову, а, обессилев, плелись по своим делам, кто куда, и заставить их организоваться для продолжения плодотворной рабочей деятельности не было ни малейшего шанса. Отследив сбивчивую траекторию собственного мышления, Альберт обратил внимание на его полное смысловое обледенение. Мысли были почти чужими...

...Мои глаза наблюдают одни и те же предметы. Через мой слух проходят одни звуки. Я пребываю в одних и тех же местах по строгому расписанию, и обмениваюсь одинаковым набором фраз с одними и теми же людьми. Одни и те же люди меняют мое настроение в разные стороны, поглаживая и разрушая мое сознание положительными и отрицательными стимулами. Я двигаюсь за деньги, и за деньги двигаю своих оппонентов. Моя душа в сейфе крупной корпорации. Сейф в утке. Утка в зайце.

Моя жизнь – состояние тяжелого стресса. Психика поймана в цикле постоянной нехватки времени и полного морального истощения. Что бы я ни делал, я «ничего не успел». Как бы я ни старался, «это никуда не годится»...

Из задумчивого состояния Альберта вывел звонок телефона. Звонил новый директор компании, которого Альберт про себя ласково называл не иначе как «чудаком» на другую букву алфавита (далее по тексту – «м...»), усилием воли ограничивая себя в более красноречивых эпитетах. Директор вызывал Альберта к себе. То ли на разговор, то ли на поединок.

Разговор-поединок зашел о старых проектах Альберта, которые таинственным для самого Альберта образом в течение весьма короткого времени почти перестали приносить прибыль. К сожалению, подробное содержание разговора для автора книги осталось неизвестным, дошла лишь его суть. Поэтому, дабы не насочинять лишнего, сам разговор изобразим абстрактно:

– Альберт... – с долей прискорбия на лице начал речь директор. Судя по тону, беседа планировалась не дружеская. «...мальчик мой», – добавил про себя циничный Альберт от лица собеседника и внутренне хмыкнул.

– Альберт... Ты все испортил.

– В смысле?

– Ты понимаешь, о чем я говорю. Какой здесь может быть скрытый смысл? Ты все испортил.

– Вообще все?

– Вообще. Все. – Начальник протянул слова отчетливо и безапелляционно. Собственно, этот человек вообще не мямлил по жизни. На таких постах все делается быстро, и решения принимаются окончательные...

Пара комментариев про увольнение. Лирическое отступление № 2

Итак, направление было задано. Вас никогда не увольняли с работы? Все случаи увольнения имеют, как правило, разные причины и разную предысторию. Слова, которые один сотрудник говорит другому, сообщая печальную весть об увольнении последнего, тоже разные. Разные стены вокруг, по-разному одеты люди, у них разное настроение, и планы на будущее разной длины и насыщенности.

Но наряду с внешней непохожестью у каждого случая неожиданного (пусть даже просто неожиданного) увольнения существуют единые характерные черты. Это, к примеру, некая короткая пауза, необходимая пострадавшему (увольняемому), чтобы осмыслить происходящее после роковой фразы «Вы уволены», в каких бы интерпретациях она ни звучала.

Что же касается самой формулировки неприятного известия, то вариант «Вы уволены» звучит только в бюджетных художественных фильмах, а в жизни все гораздо изящнее и многограннее:

«Компания вынуждена предложить Вам оставить Ваше место в связи с тем, что должность, которую Вы занимаете, не соответствует Вашим профессиональным и личностным способностям». И в комплексе взгляд поверх очков некогда симпатичной, но изрядно уже постаревшей леди из отдела кадров.

«Мы давали Вам достаточно длительный срок для изменения показателей, но этого срока Вам хватило лишь на то, чтобы еще раз подчеркнуть свою несостоятельность как исполнителя и менеджера. Боюсь, Вам необходимо покинуть рабочее место в нашей компании в короткие сроки!» А после фразы – соскребание раздавленного уничижительной речью сотрудника со стула с последующим его перемещением в мусорное ведро.

«Мы тебя увольняем на хрен». Так лаконично никто никогда не говорит, но многие так думают. Наверняка.

И чуть погодя...

«Ну же, расскажи, куда ты теперь?» Так пытается выглядеть сопереживающим скрытый пакостник из соседнего отдела, немало сделавший своей клеветой для того, чтобы само увольнение состоялось...

«Эй, чувак, освободи стол и исчезни». Так через каждые пару часов пытается приободрить тебя твой приятель по работе, считающий, что любую хандру можно вылечить здоровым циничным юмором, и недавно узнавший, что тебе дали короткий срок на поиск новой работы...

«Да ты что?! Ну, чё, отсыпать тебе?!» Так реагирует на скверное известие другой приятель, давно «переехавший» в более тонкие миры и имеющий одно лекарство от всех болезней вне зависимости от текущего диагноза и возможных осложнений.

«Это значит, запланированный отпуск отменяется?» – Такой неуместной фразой может выразить свое недовольство девушка/женщина увольняемого, тем самым как бы подавая сигнал: «Дорогой, не забудь, меня уже давно пора менять на более приемлемый вариант, а ты почему-то все тянешь время...».

Многие скажут, что примеры реакции окружающих на увольнение более или менее близкого им человека можно перечислять без остановки. Это неправда. На самом деле, их всего двести девяносто шесть.

Когда начальник – «м...». Лирическое отступление № 3

Согласитесь, довольно странно: еще ни один начальник, принимая на собеседовании сотрудника, не посчитал нужным честно предупредить того о своих недостатках. Например, был бы весьма уместен такой диалог на успешном собеседовании:

Будущий начальник будущему подчиненному (на приподнятой волне продуктивной беседы): Ну что ж, Александр (Сергей/ Петр/ Иван/ Григорий и т. д.), после разговора с Вами я вижу, что Вы и есть тот сотрудник, которого мы искали. Совершенно уверен, что именно Вы сможете вдохнуть новые силы в нашу дружную команду и, возможно даже, вывести бизнес на новый уровень. Вы прекрасно подготовлены, у Вас есть необходимый опыт и желание работать. Вы образованы, активны и деятельны. Наша фирма готова обсуждать с Вами требования по зарплате и подписать с Вами контракт.

Но я должен предупредить Вас об одном обстоятельстве, с которым Вам придется иметь дело. Я, Ваш будущий начальник, – полный «м...».

– пауза –

...на сияющем лице почти принятого уже на работу соискателя застыла улыбка. Лицо же будущего, а точнее уже скорее потенциального, начальника сосредоточенно и серьезно. Возможно, если бы начальник не перестал говорить, соискатель заставил бы себя подумать, что последнюю фразу принес шаловливый ветер через форточку с шумной улицы. Соискатель с улыбкой на лице, полностью потерявшей свою актуальность за двухсекундную паузу, жадно ищет глазами форточку. Форточек в пределах досягаемости не обнаружено. Переговорная комната в центре этажа.

«Простите?!» – вопросительно выдавливает из себя через зависшую улыбку обескураженный соискатель.

Будущий начальник: Вы не ослышались, я, Ваш будущий начальник и коллега, сотрудник, к которому вы будете обращаться за советом, перед которым будете отчитываться за проделанную работу и ее результаты, человек, от которого будут зависеть Ваши зарплата и бонусы, длительность отпусков и психический комфорт, а, соответственно, и здоровье, – полный и неисправимый «м...».

Я поясню, в чем это выражается. Во-первых, я сужу о человеке не по его делам, а по тому, какое у меня в данный момент настроение. Если я раздражен, я буду недоволен вашей деятельностью. Вне зависимости от качества проделанной Вами работы. Если я раздражен и одновременно поглощен чувством собственной значимости и непревзойденного ума, я «залечу» Вас до полусмерти своими наставлениями о том, как у Вас «все не так», и как «надо и должно быть». Мне будет совершенно неважно, что у Вас всего две руки и двадцать четыре часа в сутках. Если Вы считаете возможным отстаивать свою правоту, я завалю Вас километрами аргументов, полностью оторванных от реальности, я буду говорить без остановки, перейду на повышенный тон и буду использовать жесты, вызывающие сильное раздражение.

Если я в хорошем настроении, и Вы поддерживаете его, возможно, легкой завуалированной лестной или веселой шуткой, я, конечно, улыбнусь в знак одобрения. Но буду помнить внутри, что Вы мне не очень-то нравитесь.

Во-вторых, я вру. Если я Вам что-то обещаю, это совсем не значит, что я это сделаю. Совсем не важно, обещал ли я это по своей доброй воле или же обещал что-то, что и так обязан сделать. К примеру, десять минут назад я сказал Вам, что запрашиваемый Вами оклад в размере 1000 (неких удельных единиц, действующих в наше придуманное время в нашем сказочном измерении, далее н.у.е.) – вполне достойная цена такого высокоуровне-

вого специалиста, как Вы, и будет предоставлена Вам, однако только после испытательного срока, который составит три месяца и в течение которого Вам будет выплачиваться зарплата в размере 800 н.у.е. На самом же деле 800 н.у.е. – это максимальная ставка, на которую я могу сейчас нанять сотрудника. Это очень мало, но мне очень хочется нанять такого хорошего специалиста, как Вы, поэтому я вру. И шансов, что после испытательного срока я буду пытаться поднять Вам зарплату, очень мало.

В-третьих, я нередко меняю свое мнение и не признаю никакой ответственности. Если сегодня я считаю определенный подход исключительно верным, то завтра, когда станет ясна его несостоятельность, я скажу, что изначально был против, и если бы Вы не были так уперты и глухи, наверняка бы услышали то, что я пытался донести до Вас.

Объясню проще. Если все прошло успешно, это, в первую очередь, моя заслуга. Если все сорвалось, или результат оказался хуже предполагаемого, это Ваши недосмотр и вина.

Еще проще. Пряники – мои, затрецины – Ваши. Имейте это в виду.

В-четвертых, я не довожу дел до конца. Я поднимаю вокруг себя пыльные столбы иллюзии кипучей деятельности, я много размышляю вслух, я говорю, что все вокруг – бездельники, и постоянно сосредоточенно смотрю в монитор. Но большая часть моих начинаний увядает в бесконечных переписках, согласованиях и разговорах. Я, бывает, придумываю такие невероятные в своей абсурдности схемы, что реализовать их априори невозможно. При этом реализовывать их придется Вам. Объяснять их другим, когда Вы сами не будете понимать их сути и необходимости, придется Вам. Получать «подарки» за то, что не смогли «принести то, не знаю, что», тоже Вам.

И, наконец, в-пятых, я не признаю своих ошибок. Если я в чем-то ошибся, я с легкостью найду с десяток виноватых в своем промахе. Будьте уверены, Вы войдете в этот десяток. Я подробно поясню Вам, что именно Вы сделали не так, не прилагая при этом никаких усилий и вообще не участвуя в процессе. После я непременно напомню, что сегодня Вы уже ближе к возможному увольнению, чем вчера. И еще ближе, чем позавчера.

Вы, возможно, подумаете, что меня беспокоит совесть за такой стиль поведения? Совсем нет. Я все понимаю, но чувствую себя превосходно. Отлично засыпаю по вечерам, имею ровный и глубокий сон, прекрасный стул, не нервничаю, хорошо питаюсь и много зарабатываю. Я редкостный «м...», и здесь я в своей тарелке. Добро пожаловать в организацию, где действует Стресс код!

Возможно, именно такой монолог мог бы услышать Альберт от нового директора, если бы нанимался в компанию только сейчас, а его руководитель не имел возможности скрывать свои негативные черты. Однако такая возможность у руководителя была, более того, пользовался он ею безо всяких мыслимых ограничений.

Первоначально Альберт принял известие о своем увольнении стоически. Сам он прекрасно понимал, что адаптироваться под новые порядки у него едва ли получится, а сопутствующие всякой смене места работы трудности были неприятны, но решаемы. Даже к временно поселившейся в нем обиде Альберт отнесся философски, а потому всякие шальные мысли о возможном ответном вредительстве руководству пресекались им на корню.

Случился, правда, один неэтичный эпизод, озвучивать который Альберт впоследствии не решался даже своим наиболее отвязным в плане жесткого юмора приятелям.

Еще в короткую пору нейтральных отношений с недавно пришедшим в компанию новым директором Альберт неоднократно замечал на его захламленном столе среди прочего бумажно-канцелярского хлама тюбики с лекарствами, свидетельствующими о неровном пищеварении начальника и затруднениях при выходе продуктов жизнедеятельности. Иметь разного рода лекарства на столе, начиная от противопростудных и заканчивая анти-

депрессантами, было делом обычным при таком ритме, поэтому лишние тубики не слишком выделялись из общего фона. Однако замечены были...

И вот в один из последних своих рабочих дней после вынужденного написания заявления об уходе Альберт зашел в одну из кабинок офисной туалетной комнаты для известных нужд. В процессе облегчения он заметил через щель под загородкой, разделяющей его кабинку с соседней, лаковые ботинки своего начальника. Положение ботинок, мысами к двери кабинки, а также характерные для туалета звуки из соседней кабинки, свидетельствовали о понятном занятии находящегося там человека.

И здесь Альберт, не затрудняя себя лишними раздумьями, сделал молниеносную и неожиданную для себя вещь. Он вышел из кабинки, дошел до двери в туалет, открыл ее и закрыл, после чего очень тихо вернулся к кабинке, где находился начальник, неистово застучал в дверь и, слегка изменив голос, заорал: «Это кто там опять срёт, б...!!?».

Кабинка ответила сжатым молчанием, свидетельствующим о шоковом состоянии посетителя, а в следующую секунду Альберт уже покидал туалетную комнату с мыслью «Черта с два ты у меня еще сходишь в туалет без слабительного...». Мысль Альберта, конечно, включала в себя более весомую лексику, однако в целях сохранения литературного настроения оставим ее за пределами текста.

Вернувшись на место, Альберт сменил обувь на уличную на случай возможного вычисления начальником обидчика по ботинкам и безмятежно приступил к работе, не обращая внимания на смущенно-вопросительные взгляды руководителя, снующие по ногам мужской половины офиса...

Некоторое время после инцидента Альберт чувствовал себя предельно хорошо, несмотря на фатальный поворот событий в жизни, что-то напевал и конвульсивно подергивался в приступах смеха, пытаясь не выказывать улыбку и сохранять печальный вид.

Дама сердца Альберта

Дама сердца нашего героя носила приятное слуху имя Анна. Внешность ее была такова, что глянцево-журнальные по ней не скучали, но в интерьере годовалого бизнес седана она вписывалась вполне лаконично. Анна была красива.

Анна была красива тускло. Таких данных было вполне достаточно для безостановочного привлечения беглого внимания посторонних мужчин, но сами эти мужчины красивы не были, и немалая их часть не спешила менять статус постороннего на любой другой. Анна была красива, и кто-то сказал ей об этом ранее... Возможно, и сам Альберт, обладая известной долей галантности, злоупотреблял подобными высказываниями; возможно, иные кавалеры старались стать ближе к Анне, используя несложный прием лести; но в определенный момент милая Анна потеряла способность быть красивой неброско и оттого свежо, и приобрела в выражении лица (и, что хуже, в поведении) полное осознание собственной привлекательности и неотразимости. Что немедленно вылилось в появление дополнительного балласта в виде важности и слегка раздутого самомнения. Анна не стала капризна или высокомерна с другими. Просто Анна была красива тускло. Матово.

Так же как и красива, Анна была интересна и необычна. Первые пятнадцать минут по утрам после чашечки кофе и еще в беседах с новыми людьми, не копающими чересчур глубоко, и в планах о красивом будущем, ну, и, напоследок, в своих фантазиях она была интересна всем без разбору окружающим двадцать четыре часа в сутки.

Если говорить объективно, о такой женщине можно было мечтать и ждать ее появления в жизни. А дальше просто осознавать свое счастье и чувствовать, что брешь необходимости семейной составляющей надежно закрыта. Но объективные описания – дело слишком благоразумное для человеческих взаимоотношений, и поэтому в контексте нашего рассказа Анна во всей своей красе будет интересна нам исключительно как одна из сторон жизни главного героя.

Они познакомились в кругу близких друзей, познакомились около трех лет назад. Это был тот самый срок, по истечении которого близкие люди уже в полной мере ведут одну жизнь на двоих, способны предполагать реакции на те или иные действия, понимают желания и ход мыслей друг друга, а также имеют в своих головах четкие трафареты мировоззрения и поведения партнера с его достоинствами и недостатками. При попытке партнера вырваться за рамки этого трафарета (вне зависимости от полезности изменений) он (она/ оно и прочее) рискует вызвать обоснованное негодование со стороны своей второй половины, разум которой автоматически фиксирует под упомянутой попыткой вероломное вторжение в частную собственность. Никому не нравится, когда без его ведома трогают, а тем более меняют, структуру его нажитого имущества. Пусть даже имуществом является супруг (супруга), и инициатор изменений – он (она) сам (а).

В данный момент, равно как и на протяжении всех отношений, межличностная обстановка Анны и Альберта была достаточно беспокойной, чтобы не уснуть, и достаточно интересной и миролюбивой, чтобы нашим героям не разойтись по разным углам белого света. Альберт с самого момента знакомства гнался за красивой Анной, сначала гнался сломя голову, гнался большими букетами роз, билетами на свежие спектакли, гнался ресторанами, сияющим внешним видом, яркими шутками и обворожительными высказываниями в адрес красивой Анны. Потом гнался подсмотренным в соответствующих кинокартинах разнообразием в сексе, от которого у физически неподготовленной Анны по утрам ныло тело, и все могло бы закончиться для Альберта плачевно, если б он со временем сам слегка не остыл к своим изнурительным игрищам. И под конец, когда понял, что все, что мог догнать, давно догнал, Альберт продолжал гнаться уже по привычке, без одышки и слегка играючи.

Анна искусно отвечала взаимностью с оттенком легкой прохлады. Отдавала себя лишь частично, чем продлевала влюбленное смятение Альберта, насколько это было возможно, и привила тем самым нашему герою полезную во взаимоотношениях привычку к вспышкам привязанности. Первое время ей даже удавалось прятать не слишком глубокий внутренний мир под завесой загадочности и женской недоступности, и так как сам Альберт предпочитал считать свою вторую половину особой интересной и интеллектуально развитой, оба они, негласно сойдясь в своих заблуждениях, на том и остановились. Таким образом, Анна, появившись в жизни Альберта, счастливо совпала с его представлениями о второй половине, а там, где не совпала, они вместе, как и подобает любой нормальной семье, создали себе ряд иллюзорных латок, почти идеально заполнивших большую часть несовпадений.

Анна к Альберту не испытывала пылких чувств, однако характеристики Альберта и всего, что с ним пришло в ее жизнь, как то: непосредственно сам статный, симпатичный и неглупый Альберт, неиссякаемый поначалу поток комплиментов в ее адрес, неподдельное восхищение ею, как женщиной; прочный и надежный социальный статус Альберта, вполне приемлемый для создания полноценной семьи, доходы Альберта, чуть выше среднего, хорошие автомобили, и прочие приятные мелочи, – весь комплекс этих характеристик, олицетворяющий собой Альберта, был, несомненно, симпатичен Анне. А со временем и вовсе стал вызывать привычку. Анна не принимала для себя окончательного решения по поводу возможности навсегда связать свою жизнь с Альбертом, но и альтернатив не искала, отчасти в силу неких моральных кодексов, отчасти из-за природной лени. Альберт же подобных предложений делать пока не спешил, никаких неловких ситуаций из-за этого не возникало. Немногочисленные конфликты были вызваны исключительно бытовыми несогласиями, а также скрупулезной ревностью со стороны нашего героя, часто необоснованной, но являющейся неотъемлемым результатом навязанных обществом представлений о поведении привлекательной женщины. В остальном отношения Альберта и Анны вошли в привычное русло, два человека жили вместе, эпизодически обмениваясь скупыми проявлениями великодушного чувства. Перед сном и редким ленивым субботним утром.

Трещина

В отличие от автомобиля Альберта и его работы, с Анной ничего плохого не случилось. Просто в свете происходящих событий Альберт стал более замкнут и раздражителен, а Анна интерпретировала это по-своему и, хорошо подумав, приняла решение покинуть территорию Альберта. Внезапности в этом не было: между Альбертом и Анной участились конфликты, разногласия, и именно в тот период у Альберта не хватило ни сил, ни внимания, чтобы единолично остановить процесс распада отношений.

Абсолютным финалом отношений этих прекрасных молодых людей стал очередной неприятный случай, произошедший в жизни Альберта, но затронувший помимо него самого еще и его бывшую близкую подругу. За сутки до того, как Анна должна была вывезти из квартиры Альберта свои вещи, квартиру странным образом обворовали, совершенно не разбирая при этом, кто хозяин той или иной вещи. В числе украденных предметов оказался портативный компьютер Анны, на диске которого, как выяснилось впоследствии, было очень много важной для нее информации. В единственном экземпляре.

Анне было жалко бедного Альберта с его злоключениями, но еще больше ей было жалко свой ноутбук. А поскольку истинным виновником и причиной всех происходивших с ее мужчиной неприятностей она с самого начала считала его самого (кто знает, в соответствии с какой логикой), то в утрате полезной вещи с ценной информацией тоже был обвинен не кто иной, как Альберт.

Альберт не обиделся на Анну за ее однозначные выводы про пропавший компьютер. Не потому, что был очень терпелив к людям, а потому, что к этому моменту он уже вообще перестал понимать, что происходит, и, затаив дыхание, ждал, чем закончится эта вереница досадных событий.

Трещина, внезапно образовавшаяся в самом центре жизни, осознавалась во всей своей красе и могуществе. Никаких сомнений у Альберта уже не оставалось: все, что происходило, происходило именно с ним, происходило бесповоротно и не как-то там постепенно и деликатно, а взяло, да ухнулось все разом прямо на голову, без предупреждения и пощады.

Альберт был и подавлен, и удивлен действиями той сокрушительной силы, что методично ломала на своем пути одну за одной составляющие его тщательно выстроенной жизни. Был подавлен особой внезапностью и цинизмом последних событий, а главное, именно сейчас как никогда ярко ощущалась образующаяся пустота вокруг и совершенная незащищенность от таких немислимых событийных водоворотов.

Несколько дней Альберт провел дома, почти не включая телефон и всячески стараясь абстрагироваться от преследовавших его обид и полного нежелания двигаться дальше. Мысли слушались неохотно и норовили передавать некрасивую реальность в еще более серых красках, лишь ненадолго застревая на остатках иронии...

Страховой бизнес – полезная задумка, – размышлял в один из тех дней утомленный бессонницей Альберт. – Случилось у тебя что-то – получи компенсацию. Заболел – вот тебе прием врача. Машину поцарапал? Извольте в наш автосервис. Знай себе только, бумажки успевай собирать. Удобно...

Только вот набор услуг маловат. Жаль, нельзя застраховать себя, к примеру, от увечий, но только не на деньги и не на долгое мучительное лечение. А так, чтобы позвонил потом в страховую, предъявил документы, подождал, пока услужливый менеджер наберет заветные коды на современном многофункциональном компьютере, и вот тебе результат: глядишь на себя – будто и не было ничего плохого. Стоишь целехонький, увечий никаких нет и не было. Ухо, к примеру, оторванное заново отросло, или фингал под глазом зажил так скоро, что

завтра снова можно на работу. Там же на месте благодаришь расторопного менеджера, а он тебе: «Были рады помочь, не забудьте продлить полис страхования на следующий год».

Или взять страхование на случай смерти. Понятно, конечно, что человека уже не ожи-вишь, а компенсация его родственникам будет к месту, но ведь... Было бы по крайней мере занятно проснуться после внезапного забытья, а вокруг тебя взволнованные родственники, больничная палата, и какой-то родной голос говорит, всхлипывая: «Знаешь, врачи ничего не смогли сделать. Пришлось звонить в страховую...».

А кто застрахует от потерянных нервов, от бессонных ночей, от депрессии, от того, что все это не вовремя и неуместно? От того, что именно сейчас не с кем посоветоваться, от того, что не был готов к таким поворотам? Кто вернет все назад или предупредит заранее? Кто готов взять на себя риски внезапного предательства любимым человеком? Как потом стереть привкус боли от этого неожиданного предательства?.. Неожиданного. Предатель-ства, – Альберт еще раз распробовал на языке произнесенные слова, на секунду уличив себя в театральном пафосе. Произнес снова. Сквозь работающий механизм самосожаления еле заметно мелькали догадки об актуальности случившегося и даже возможной логике. Логике не слишком четкой, но все же уловимой. И являющейся скорее достоянием ничем не под-твержденной интуиции. Ощущение было настолько тонким, что, казалось, достаточно было просто отпустить мысли дальше, чтобы утратить нить и больше к этой теме не возвращаться.

«Похоже на бред! – в сотый раз раздраженно выдохнул Альберт, – все это похоже на бред».

Известные Альберту способы поведения в таких фантастических обстоятельствах были некстати абсурдны и смешны. Самым, пожалуй, обстоятельным и трезвым выходом было проснуться. Проснуться хотелось постоянно, однако все вокруг было чересчур реаль-ным и ощутимым, чтобы вот так просто выйти из сложного положения: оказаться внезапно у себя в кровати, увидеть Анну рядом, поохать на дурной сон, перевернуться на другой бок и... Что происходит?! Проснуться раньше было так просто.

Альберт на всякий случай ущипнул себя за кисть руки. Подивился идиотизму ситуации и мысленно горько усмехнулся. Посидел еще пару секунд и ущипнул еще раз, что было силы. Будто со стороны, услышал собственный стон. Скулило бессилие. Холодное и непривычное.

...ее нет рядом, – снова застучало в голове, – и ничего другого тоже нет. Все это было еще несколько дней назад, а сейчас... бардак! Нет денег, нет работы, нет машины, в квар-тире пусто, и все разбросано, суки украли даже выпивку, будто на двух грузовиках, свиньи, приезжали!

И ее нет.

Альберт читал массу детективов и мелодрам, где люди влюбляются, расходятся, стре-ляют друг в друга, что-то кричат прямо на улице, даже умирают. Умирают! Что уж там гово-рять о каких-то несуразностях, типа разбитой машины и обворованной квартиры? В этих книгах машины разбиваются десятками и даже сотнями, квартиры обворовываются на каж-дой странице, там это все – плевое дело, на которое нормальный человек даже внимания не обратит. Да там даже захват вселенной и межгалактические потасовки (!) – дело ста страниц и десяти-двенадцати поездок на автобусе.

Какие-то поверхностные и сумбурные книжные описания событий, гораздо более весомые, нежели разбитое корыто Альберта, совсем не передавали и капли живого чувства. Почему так? Какая-то врожденная дисфункция органов восприятия?

Немного о рекламе и протухшем чтиве. Лирическое отступление № 4

В странном пространстве, где существовал Альберт, имел место необычный подземный мир, и мир этот отнюдь не являлся пристанищем бесов или библейским адом. Этот мир являлся сетью разветвленных и запутанных дорог, опутавших весь город, и даже немного больше, если можно так выразиться о дорогах, которые идут под улицами города! И этот подземный мир носил сюрреалистическое название «Метрополитен».

По таинственным дорогам Метрополитена нельзя было ходить пешком, передвижение осуществлялось исключительно в металлических вагончиках, куда одновременно заходили несколько человек (до нескольких сотен) и ехали от одной остановки к другой, не имея возможности спрыгнуть на ходу или остановить вагончик по требованию в нужном им месте. Идея была весьма необычная, учитывая то, что сверху на земле тоже были дороги, вполне обыкновенные. Однако мир Альберта вмещал в себя очень много людей, и людям этим требовалось так много места, и были они такими занятыми, что любых дорог им было мало.

Поскольку подземными вагонами пользовалось большое количество самых разных людей, компании, занимающиеся продвижением товаров в массы, использовали стены вагонов для размещения рекламных плакатов, диктующих обывателю, что ему нужно в этой жизни...

В странном мире Альберта по неизвестным причинам считалось, что люди, использующие для передвижения фантастические вагоны, олицетворяют собой массы с невысоким уровнем дохода и столь же невысоким социальным статусом. А потому и товары в вагонах рекламировали, как правило, соответствующие. Ассортимент по большей части вызывал у человека, хоть немного думающего, легкие приступы тошноты. Эта тошнота усиливалась от навязанного рекламой невыветриваемого ощущения, что рекламодатель со всей своей сворой ужасного в мыслях, некогда креативного народа откровенно держит тебя за выродка, готового без усталости глотать любую разжеванную субстанцию. Устаревшую и низкопробную до вони.

Альберт, также неоднократно спускался в подземный мир и, будучи не в силах передвигаться по нему с закрытыми глазами, наблюдал пестрое содержание рекламы. Здесь было все. Распухшие от обилия товара торговые центры, сумасшедшие (если судить по выражению лица) дамы, страсть как желающие купить со скидкой какую-нибудь имотку, изображенную в другом углу рекламного постера, невероятные обещания банков-однодневок, сулящих всевозможные блага за открытие вклада, идиотские комиксы, нарисованные каким-то художником словно в отместку работодателю за полугодовую задержку зарплаты, и прочие художественные изыски, способные захлестнуть мозг даже самому подготовленному обывателю.

Не менее пятидесяти процентов рекламодателей, по субъективным расчетам Альберта, и вовсе при привлечении новых клиентов ориентировались исключительно на их сексуальные инстинкты, совершенно не утруждая себя попытками нарисовать себе интеллектуальный портрет своего покупателя. И нельзя сказать, чтобы повсюду развешенные изображения полуприкрытых грудей, томных женских лиц, фигур в двусмысленных позах сами по себе вызывали раздражение. Скорее, было немного обидно от того, что рекламодатели все как один считают, будто их целевая группа в жизни ничего больше не делает, кроме как совокупляется, а потому и завладеть их вниманием можно только оперируя животными инстинктами.

Креативная реклама, нацеленная на интеллект, будто просто задыхалась в подземном мире сразу после попадания, а потому уже и не пыталась там появляться. В мире, так сказать, наземном, она тоже не имела большого распространения, однако компании, обладающие обширным финансовым фундаментом, иногда позволяли себе такую роскошь... Почему-то в основном это были крупные автоконцерны.

Особо противный осадок оставляли у Альберта постеры, продвигающие новые литературные творения. То есть книги. Художественного содержания. Наблюдение такой рекламы не только давало повод для сомнения в выборе именно рекламируемой книги, но и в целом ставило под вопрос корректность вектора современной литературной мысли.

Названия и обложки подобных книг выполняли одновременно две функции: они манили к себе людей, склонных к тотальному засорению своего интеллекта, и в то же время отгоняли тех, у кого хоть как-то развито литературное обоняние.

А может, эти книги вообще никто никогда не читал. Только рекламировали их. Кто его знает...

Можно было предположить, что таким специфическим способом – посредством отталкивающей рекламы – мир от этого читива героически охраняла тайная организация маркетологов-спасителей... Приносит новоиспеченный писатель в агентство свои тексты и говорит: «Здравствуйте, хочу быть известным писателем». Редактор пролистывает первые страницы и... неутешительно качает головой: в печать, мол, такое г. направлять нельзя. Но свежееиспеченный писатель спокойно достает из чемодана несколько пачек купюр и демонстрирует их редактору. Редактор становится сговорчивее и обещает в свободное время посмотреть рукопись повнимательнее.

После ухода писателя редактор набирает тайный номер Тайной организации и сообщает, что к нему обратился настойчивый человек, считающий, что его закорючки должны быть прочитаны миром. На убеждения и объяснения не поддается. Сулит вознаграждение, от которого отказываться сложно и, главное, НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО. То бишь, подобный поступок не соответствовал бы целям и ценностям действующей формы капитализма.

Секретарь Тайной организации переводит звонок на одного из маркетологов-спасителей, тот знакомится с ситуацией, позже – с рукописью, и высылает редактору макеты обложки, а заодно и рекламного постера.

Редактор при получении макетов сначала морщится, потом улыбается, потом снова морщится. Потому как сначала ему становится противно от увиденного, потом он берет себя в руки и проникается гармонией между увиденным в макетах и ранее прочитанным текстом. А потом ему снова становится противно. Уж больно макеты говенные.

Через какое-то время редактор дает согласие писателю на публикацию его прозы и назначает встречу для приема вознаграждения и демонстрации макетов обложки и рекламы. А перед встречей редактор, разумеется, слегка мандражирует. Уж больно макеты говенные.

Редактор и писатель встречаются, беседуют, пьют кофе, обсуждают примерный тираж книги и ее последующий успех. В этом месте редактор, собрав все свое редакторское самообладание, сообщает, что успех книги зависит во многом от того, как она будет презентована в свет. И смело демонстрирует писателю присланные Тайной организацией макеты. Демонстрирует смело, а у самого аж кадык дрожит.

Писатель берет макеты в руки и пристально на них смотрит. Пристально и слегка удивленно. Наступает пауза в несколько секунд, длящаяся, как это бывает, вечность. Редактор уже начинает осознавать, что денег ему не видать, и тихонечко так сглатывает. Чтобы кадык не дрожал.

И в это самое мгновенье писатель расплывается в улыбке и поизносит: «А че?! Ниче!». В значении «восхитительно», стало быть. И к редактору приходит просветление: не нужно всех мерить по себе – человек явление загадочное, разнообразное и многовидовое. И если ты видишь перед собой существо с двумя ногами, двумя руками и носом промеж глаз, это еще не означает, что перед тобой существо именно твоей породы.

В чем же простой рецепт чудо-обложки?

Фамилия, имя и отчество писателя должны быть на первом месте. Шрифт, которым они начертаны, должен быть крупнее шрифта, которым написано название самого произведения. Почему? Люди, производящие данную низкосортную литературу, не имеют цели донести другим людям какую-то ценную информацию, заключенную в этой литературе и в конкретном своем произведении. Они хотят либо стать писателями и заявить о своем новом статусе – а в этом случае они и являются основной вестью книги и должны красоваться на самом видном месте, либо стать брендом, чтобы далее под этим брендом получать прибыль от своих чудо-записей. Какая разница, что там за название книги, и что в ней написано?! Эту книгу написал такой-то писатель, и этим все сказано! Приятного аппетита!

Чудо-обложка должна передавать внутренний мир писателя. Передавать этот внутренний мир она должна от писателя потенциальному читателю. Писатель видит в ней свой внутренний мир, и от того ему тепло на душе. Потенциальный читатель видит то же, и, в зависимости от своей близости к передаваемому внутреннему миру, он строит свои дальнейшие отношения с книгой (мы, разумеется, говорим о новых произведениях, еще не имеющих истории, отзывов и подробных рецензий).

...Итак, все эти несколько дней, проведенных дома, Альберт изо всех сил пытался восстановить моральное равновесие. Но каждая последующая ночь беспокойной полудремы вперемешку с несладким кофе вносила собственные коррективы во взгляды на жизнь. Каждое последующее утро было нисколько не мудренее вечера, а поиск ответов приводил все больше к новым вопросам. Долгое время Альберт был заперт внутри своих размышлений. Голова постоянно наводнялась какими-то образами, что затрудняло ход мыслей, постоянно вырисовывались все новые возможные сценарии поведения в случившихся происшествиях. Догадки подсказывали, советовали, уверяли и вели себя очень самоуверенно.

Утром, когда Альберт открывал глаза, перспектива течения дня уже была предельно ясна.

Выход на улицу исключался сразу: мокрый снег превратил пространство в одно унылое асфальтно-земляное болотце, на котором особенно жалко смотрелись припаркованные под окнами автомобили. Хотелось каждому из них вынести по маленькому одеялку с капюшоном, а еще лучше – занести их всех домой погреться и попить чаю. При взгляде из окна казалось, все они разом прекрасно уместятся на подоконнике возле батареи, где тепло и сухо... А хозяевам отзвониться и сообщить: так, мол, и так, ваш автомобиль в квартире такой-то, пьет чай; захотите куда-то поехать – приходите, забирайте.

Полысевшие от осени деревья норовили дотянуться до окон озябшими ветвями, но никогда не дотягивались. Шум ветра, свистевшего от всей души по узким дворам квартала, гарантировал озябшие руки при прогулке и попадание снега за шиворот. Вся эта аудиовизуальная картина в окне в совокупности с неестественно серыми облаками и такого же оттенка однообразными постройками вокруг создавала впечатление некоего непригодного для любой формы жизни вакуума за окнами. Шагнул человек из подъезда, и пошел необратимый процесс распада: растворило мокрым снегом, разметало ветром по молекулам, и каждую молекулу поглотила, вяло причмокнув, ленивая нескончаемая серость...

И если стекла окна с легкостью защищали Альберта от распада физического, будь угроза реальна или надуманна, то проникновения в его личное пространство распада душевного в виде самых суровых форм депрессии не выдерживали никакие окна.

Внутри квартиры ход времени, а с ним и все действия нашего героя, принимали крайне причудливый вид. Если считать, что любой процесс времяпрепровождения предполагает некоторую активную позицию персонажа, проводящего время, по отношению к этому самому времени, то в случае Альберта время было само по себе, а сам Альберт болтался где-

то между тем, чтобы еле-еле за ним волочиться, и тем, чтобы оторваться от него вовсе. В кинолентах такое положение вещей обычно показывают, запуская фоновую картинку вокруг персонажа в сильно ускоренном темпе. Идет себе, не спеша, человек по дороге, а вокруг него с сумасшедшей скоростью мелькают фары автомобилей, проносятся какие-то другие люди, облака над головой, меняются день с ночью и прочие второстепенные факторы. Суета... С той лишь несущественной разницей, что Альберт одновременно мог наблюдать себя то в качестве человека, идущего по дороге, то среди объектов фона, бесцельно мечущихся вокруг.

Впрочем, буря самосожаления через некоторое время пошла на спад. Альберту по-прежнему было жаль и своего благосостояния, и престижного места работы, и украденных вещей, и самого себя ему было жаль, как никогда прежде. Но депрессия, как состояние бесконтрольного перерождения одних негативных мыслей в другие, продлилась не долго. Наоборот, чуть отдышавшись, прополоскав себя несколько раз крепким алкоголем и хорошо отоспавшись за все время безвылазного жития в офисе, Альберт, наконец, прибрался в квартире и стал задумываться над тем, что, собственно, делать дальше.

Восполнить все утраты было возможно. И даже жизненно необходимо, так как кредиторы Альберта уже недвусмысленно поглядывали в сторону его квартиры. Но оставался один важный нюанс. Пока Альберт переживал одно за другим происходящие с ним события, ум его стал менее суетлив и очистился от разного рода сиюминутных мыслишек, носившихся раньше в его голове целыми табунами. Освободившись от изрядного количества мусора, ум стал с большей интенсивностью генерировать предположения на тему того, что его хозяин в жизни упускает что-то важное, или даже первостепенное. И простая логика подсказывала Альберту, что, если именно отсутствие этого неизвестного элемента является причиной последних разрушительных событий, то восстановить все к первоначальному состоянию будет еще сложнее, чем кажется. А скорее, и вовсе невозможно.

Прогонять от себя эти размышления было бессмысленно, и Альберт тщетно пытался выловить из пространства хоть что-то, что могло бы натолкнуть его на догадки, чего же именно ему не хватает.

Как раз в этот период он чаще стал прибегать к общению с зеркалом, искать ответ во всех доступных ему источниках, и даже, проявляя особую осторожность, стал интересоваться подобными мыслями в головах окружающих его людей. Что было особо проблематично, так как сама формулировка вопроса, интересующего Альберта, в любых ее вариациях была похожа на «скажи то, не знаю, что».

На том закончим, наконец, с предысторией.

Часть вторая. Конец мира

Где истина? Беседа в движущемся автомобиле

– ...я вообще не улавливаю, как ты связываешь последние события, происходящие в твоей жизни, с тем, что ты что-то не так делаешь или живешь как-то не так. Какая связь между разбитой тачкой и смыслом жизни? Тебе сейчас надо работу новую искать побыстрее, а ты выискиваешь какую-то логику во всем этом.

Портнов выглядел усталым и старался больше внимания уделять дороге, нежели разговору. Он вел машину неторопливо, так же неторопливо дворники смахивали налетающие на лобовое стекло капли.

Альберт с Портновым и его женой Викой, сидящей на заднем сидении, возвращались из автосервиса, куда Альберт попросил отвезти его для беседы по поводу восстановления машины и обсуждения сроков этой процедуры. На обратном пути обсуждение сломанного автомобиля плавно перешло в более философское русло.

Вопросы «о жизни» не находили отклика в Портнове, и Альберт уже решил не навязываться со своими мыслями, как внезапно затухающий разговор поддержала Вика.

– Для любого человека смысл жизни, в первую очередь, в рождении детей, – после паузы сказала она.

Альберт повернулся корпусом с пассажирского сидения к Вике, уловив при этом краем глаза быструю ухмылку Портнова.

– Почему? – спросил Альберт.

– Дети – это жизнь, это продолжение рода.

Альберт уже не в первый раз сталкивался с подобной точкой зрения, но сейчас поймал себя на том, что, возможно, уделял ей недостаточно внимания. Возможно, по той причине, что до сих пор собеседники, высказывающие такой тезис, отделялись только набором стандартных фраз вместо более-менее приемлемого объяснения.

– Дети – дело хорошее...

– Просто ты все ищешь смысл жизни. Может, не в том месте ищешь?

– Может, – из любезности согласился Альберт, у которого детей пока не было. – Я понимаю, что рождение детей может быть смыслом жизни. Но я пока не понимаю, как это может быть основным смыслом жизни.

– А в чем еще ты видишь основной смысл жизни? В том, чтобы машину отремонтировать?

– Я думаю по этому поводу вот что. Ребенок не может быть смыслом жизни, в первую очередь, из-за того, что он сам по себе является другим человеком с другой жизнью. У которой, по логике вещей, может и должен быть свой смысл. Ну, если вообще считать, что в жизни должен быть какой-то смысл. И если глубинное предназначение человека можно с легкой руки называть словом «смысл»...

– Ну и что? Почему одна жизнь не может быть смыслом другой?

– Наверное, в каких-то случаях может, но не в глобальном плане. Вкладывать смысл своей жизни в то, чтобы дать жизнь другому человеку – это похоже на перекалывание ответственности. Особенно с учетом того, что дети – это... относительно доступное... мероприятие.

Портнов заулыбался неудачной формулировке.

– Я имею в виду, что родить ребенка и воспитать его, как умеешь, для многих проще, чем, например, ... сделать какое-то научное открытие или стать хорошим артистом.

– Ты думаешь родить ребенка просто? Или его воспитать? – сделала следующий ход Вика, не выказывая особой логики в беседе.

– Не думаю. Давай по-другому. Твои прародители видели смысл своей жизни в рождении твоих родителей. Твои родители – в тебе. Ты видишь смысл в рождении своих детей и их жизни. Дальше что? Какой результат? Что в тебе есть такого, чего не было в твоих бабушке и дедушке? С поправкой, так сказать, на эволюционную инфляцию?

– На что? – непроизвольно включился Портнов.

– На общее развитие человечества, которое, как известно, ускоряется. То есть, мы сейчас можем сказать, что мы умнее бабушек и дедушек, так как те не умели пользоваться компьютерами, но, если принимать во внимание общее развитие – каждый из нас сейчас, по сути, не умнее среднестатистического человека, проживающего в схожих условиях. Ну, кроме Портнова, конечно, – съехидничал Альберт. – То есть того объема знаний, который позволял человеку спокойно существовать в обществе сто или даже двадцать пять лет назад, сейчас явно недостаточно. Поэтому знаний у нас больше. А возможности внутри общества, собственно, те же. У знаний, так сказать, нынче другая покупательская способность. Информация множится, и каждая ее единица имеет меньшую стоимость.

Я очень усредненно говорю. Итак, возвращаясь к детям, твои родители, условно, ничего значимого, кроме тебя, не совершили, поставив все на тебя. А ты сейчас, вместо того, чтобы реализовывать переданную тебе родителями ответственность, переключиваешь все на своих детей. Которые, скорее всего, сделают то же самое. На каком из поколений ты ожидаешь прорыва?

Секунд пятнадцать в салоне автомобиля никто не разговаривал.

– А почему ты рассуждаешь обо всем этом с поправкой «на эволюционную инфляцию»? – спросил Портнов.

– Потому что скорость развития – это в наше время безусловная необходимость, не более. При чем здесь индивидуальная цель конкретного человека? Это как в школе – ты можешь ее окончить, а можешь окончить ее так, чтобы при этом поступить в универ. Первое – необходимость, и этого уровня достигают, так или иначе, почти все дети. Второе – это уже индивидуально. Не лучший, конечно, пример, но суть доносит.

– А если вокруг тебя общий уровень развития повышается поступательно, так, что сегодня окончить школу можно только с тем набором знаний, с которым вчера запросто поступали в университеты? – продолжил Портнов. – И хочешь – не хочешь, собственную индивидуальность приходится подтягивать? Мы конкурируем и тем самым двигаем общее развитие вперед. И в нашей конкуренции, пусть и вынужденной, заложен личный вклад каждого конкурирующего. Вклад внес – прожил не зря. Это, правда, не доказывает, что смысл жизни в рождении детей. Скорее – в конкуренции, которая вынуждает человека развиваться. Но без рождения детей этот общий процесс будет невозможен в перспективе.

То, чем ты нам сейчас пытаешься разрушить мозг, – это только твое личное понимание смысла жизни. Ты чувствуешь что-то. Чувствуешь, куда тебе двигаться. Но своя дорога открывается каждому отдельному человеку – и это та самая причина, по которой ты не сможешь доказать Вике, что смысл жизни не должен заключаться в рождении детей. А Вика не докажет тебе обратное.

Теперь настал черед Альберта подвиснуть с приоткрытым ртом.

– Портнов. Ты чего такой умный?

– И еще кое-что. Вот Вика, к примеру, хочет детей. Это у нее природой заложено. Можно сказать, смысл жизни такой. И она постоянно ведет по отношению ко мне подрывную деятельность: давай заведем ребенка, давай заведем ребенка.

А ты чувствуешь какую-то другую цель. Или вообще просто чувствуешь, что что-то чувствуешь. И это что-то тебя тревожит. И ты вместо того, чтобы прислушаться к

себе и услышать, что именно от тебя все-таки требуется, ковыряешь всех вокруг на тему: расскажите мне, что же я слышу? Это получается... детская игра какая-то.

Альберт почувствовал тревогу. Не столько из-за сути произнесенной Портновым речи, сколько из-за того, что ничего подобного от Портнова он в принципе ожидать не мог. Альберт обернулся на Вику: для Вики такие монологи со стороны мужа тоже были в новинку.

– Портнов. Я тебя много лет знаю, – уже без шуток заговорил Альберт, пристально глядя в Портнова, – это ведь не ты все придумал? Что сейчас сказал.

И, почувствовав, что немного схамил в последнем высказывании, улыбнулся, как бы переводя слова в шутку. Портнов пропустил вопрос мимо ушей. Уже через секунду Альберт подавил внезапно возникшую тревогу, решив, что просто зря последние годы так редко общался с человеком, чье мышление не лишено интересных умозаключений.

– Просто ты заикнулся, – через несколько секунд проговорил Портнов. – Я бы на твоём месте больше времени уделял мыслям о том, как работу быстрее найти, и останки твоей телеги на стапель загнать.

Понятно..., – решил Альберт, – аттракцион по переселению душ закончился...

Машина Портнова постепенно перестроилась правее, съехала на «дублер» и на светофоре ушла на перпендикулярную улицу, где через квартал находился дом Альберта.

Встреча в кофейне

Альберт зашел в кофейню неподалеку от дома, повесил куртку на вешалку, одиноко стоявшую в углу зала, и расположился за столиком возле окна. Зал был почти пуст. Через минуту он пересел за столик ближе к вешалке, а еще через две минуты снял куртку с вешалки и вместе с ней пересел обратно за столик у окна, окончательно сбив с толку наблюдавшего за ним официанта.

Сделав заказ, Альберт стал смотреть в окно, поверхностно наблюдая залитую дождем дорогу с блуждающими по ней грязными автомобилями. За окном было холодно, а в кофейне тепло... Холодно и неуютно было и в мыслях Альберта. Он поймал себя на плоской идее, что кофейня была шатким островком тепла между двумя носителями холода: улицей и его собственным внутренним состоянием, и если, к примеру, в один момент времени кто-то настезь откроет входную дверь, а сам Альберт откроет рот, то, по законам физики, в помещении кофейни мгновенно образуется серьезный сквозняк, сулящий нешуточную простуду официантам в легких рубашках. Альберт сглотнул.

К нему подошел официант, принял заказ и ушел по направлению к стойке. Альберт от нечего делать стал разглядывать других немногочисленных посетителей, интуитивно стараясь держать рот закрытым.

В этот момент в кафе вошел неприметный человек худощавого телосложения, одетый в красивое серое полупальто, темно-синие брюки и неожиданно сухие для такой погоды ботинки. Человек пробежал взглядом по столикам, пошел по направлению к Альберту и сел за соседний с ним столик.

– *Добрый день*, – сказал незнакомый мужчина и вполне себе дружелюбно посмотрел на Альберта.

– *Добрый вечер*, – сказал Альберт, убедившись предварительно, что дверь в кафе прикрыта. У Альберта не было никакого желания общаться с кем-либо до такой степени, что даже можно было и пообщаться, потому как вообще было все равно.

– *Я прошу прощения за беспокойство*, – продолжил интеллигентный господин в сером полупальто, – *Вы меня, скорее всего, не знаете, но я Вас знаю. Вы Альберт.*

Альберту стало неудобно: он, действительно, не помнил собеседника, хотя, вероятно, когда-то они общались, может, по работе, а может, в каком-нибудь магазине...

Беседу ненадолго прервал официант, принесший Альберту кофе, а новому гостю – меню. Гость заказал чай с пирожным и ловко пересел за столик к Альберту, пытаясь при этом не выглядеть нахально.

Альберт смотрел на незнакомца, ожидая продолжения беседы и одновременно пытаясь вспомнить, где раньше с ним встречался.

Собеседник пару секунд с глуповатой улыбкой рассматривал Альберта, потом произнес:

– *Я еще раз прошу прощения, что трачу Ваше время. Но у меня уже давно есть масса вопросов к Вам. Мне сказали, что никаких вопросов задавать не нужно, поскольку ответы на них появятся сами, но... ничего не появляется. Вы, наверняка, понимаете, с какими размышлениями приходится существовать...*

Альберт решил, что этот тип, вероятно, может иметь отношение к квартирной краже. Но было совершенно неясно, зачем он вообще пришел разговаривать, как узнал хозяина квартиры, и почему ему неловко. С версией о квартире это, в общем-то, не вязалось.

– *Вы кто?* – спросил Альберт, которого психи уже не пугали, а вежливость в заблуждение уже не вводила.

– *Извиняюсь, – в третий раз извинился незнакомец, – меня зовут Семен. Я не представился...*

– *Напомните, откуда мы знакомы?*

– *Я думаю, мы не знакомы. Точнее, я-то Вас, конечно, знаю. А Вы меня вряд ли. Мы же не знакомились.*

– *Вы что-то продаете?*

– *Ничего не продаю, – растерялся Семен. – Я просто думаю, что раз мы все являемся частями в этом действии, и я тоже, пусть и не главной, мы имеем право знать, хотя бы приблизительно, к чему мы идем, для чего все это происходит... Ну, пусть не все, и не всё, но хотя бы частично.*

Альберту не становилось интересно, но он решил выяснить, что это за театр, пытаясь подспудно не пропустить момента, когда человек с явным психическим расстройством начнет буйнить, чтобы для безопасности прервать встречу раньше. Собеседник буйным не выглядел, поэтому беседа продолжалась.

– *Позвольте узнать, Семен, – максимально миролюбиво продолжил Альберт, – Вы про какое действие говорите?*

– *Я говорю про действие, которое происходит здесь и сейчас – про ту жизнь и события, в которой мы участвуем. На тех или иных ролях.*

Глаза мужчины не были замутнены, речь была вполне связной; Семен принял от официанта чай, и немного отхлебнул. Как бы то ни было, Семен был связан с происходящими в жизни Альберта переменами, но каким образом, было совершенно не ясно. Альберт начал приходить в себя и после некоторой паузы решил перехватить инициативу:

– *Семен, у меня к Вам просьба. Вы товарищ очень таинственный. Это я уже понял. Еще я понял, что у Вас, вероятно, есть что-то интересное для меня – будем считать, Вы своего добились и заинтриговали меня. Давайте без долгих вступлений: это ведь Вы ко мне подсели, нам ведь нужен какой-то обмен или что-то такое, да? Расскажите, что Вам известно про мою ситуацию. И какую цель Вы преследуете.*

Семен внимательно посмотрел на Альберта. Ненадолго отвел глаза и снова пристально посмотрел. Было не совсем понятно, кто кого и за кого держит, но разговор не клеился, и этот факт начинал раздражать обоих участников.

– *Хорошо, – выдохнул Семен и приготовился к более сложной беседе, нежели предполагал изначально. – Возможно, Вы не до конца представляете себе степень нашей осведомленности о Вас, а я начал с места в карьер...*

– *Чьей «нашей», позвольте узнать?*

– *Нашей – это окружающих Вас людей. Тех, кто вокруг Вас. Для вспомогательных ролей. В течение всего нашего времени мы смотрим на Вас и ждем развития событий.*

Альберт не прыснул со смеху только потому, что ему, в принципе, последнее время было не до смеха. Более того, за последние недели он понял, что случиться может все, включая даже то, чего случиться никак не должно. Как раз наоборот, то, «чего случиться не должно», явно преваляло в гуще последних событий.

Чтобы не спугнуть порыв собеседника, а также не вызывать в нем излишнего раздражения, Альберт сидел молча, спокойно глядя на нового знакомого.

– *Вы – основной элемент этого мира. Точка отсчета. Не знаю, как точнее выразиться. Этот мир существует, пока Вы живете и действуете. Когда Вы выполните свои задачи, мир перейдет в другую стадию. А если Вы их не выполните, то все будет бесполезно. Я понимаю, что не выполнить их невозможно. Это с одной стороны. Но с другой, я вижу, что происходит. А точнее, вижу, что ничего не происходит. Уже несколько лет. Вы учитесь, взрослеете, общаетесь с кучей из нас, что-то говорите, встречаетесь с женщинами,*

работаете в каком-то месте, которое никак не вяжется с возложенными на Вас задачами, чем бы они ни являлись... И ничего не происходит.

Мне все говорят: он знает, что делает. Он ждет, дозревает. А я все смотрю на Вас и думаю: чего он ждет-то?!

Новый знакомый Альберта прервался и очередной раз взглянул на собеседника: собеседник сидел с приоткрытым ртом, из которого виднелся кусочек торта.

– Вам кажется новой эта информация?

– В какой-то степени, – «ничего не ответил» Альберт.

Семен откинулся в кресле и отхлебнул из своей кружки.

– Пожалуй, это даже нормально, – призадумался он. – Но к делу отношения не имеет. Очень много времени прошло. Вам нужно действовать, а Вы сидите здесь, пьете кофе, жалеете себя, ковыряете разные воспоминания, ищете что-то в себе... Вы же видите, что мир вокруг Вас разрушается? Почему ничего не делаете?

– А что мне надо делать? – спросил Альберт. Спросил не потому, что уже собрался, было, начать что-то делать, а автоматически, для поддержания непонятого разговора.

Новый знакомый отхлебнул еще чаю и неторопливо продолжил, проигнорировав заданный ему вопрос.

– Скажите, у Вас нет такого ощущения, что до того, как Вы появились, здесь (Семен провел руками вокруг себя) ничего не было? И после того, как Вас не станет, здесь тоже ничего не будет? Я имею в виду вообще все, что вокруг Вас.

– У каждого человека, наверное, есть такое ощущение.

– Каждый человек нас сейчас не интересует: конкретно Вы ловили себя на таких мыслях?

– Да.

– Знаете, почему?

– Ну, потому что я же не видел, как здесь было до меня...

– Это ерунда, – прервал Альберта собеседник. – Все гораздо проще: у Вас такое ощущение, потому что до Вас здесь, действительно, ничего не было. И после Вас не будет. Что это может значить?

Семен перешел на ироничный манер и стал спокойнее.

– Сколько Вам лет? – издали начал контрастную все еще ошарашенный легким безумием собеседника Альберт.

– Мне сорок два.

– А мне тридцать. Где Вы были двенадцать лет до моего рождения?

– Что значит, где я был? – снова начал заводиться Семен. Я же говорю: не было меня, ничего не было. Альберт, Вы меня то ли не слушаете, то ли не слышите. Я появился одновременно с Вами, как и все остальные, лет двадцать семь назад, под конкретные цели. О своих целях я знаю, о чужих частично. О Вашей – тоже частично. Хочу узнать больше. Потому как работаем, получается, вхолостую.

– Мне тридцать, – повторил Альберт.

– Вы уже сказали.

– Почему Вы тогда говорите, что появились мы около двадцати семи лет назад?

– А Вы помните себя раньше?

– Я и в три года себя не помню.

– А это проблемы твоей памяти, – парировал Семен, неожиданно перейдя на «ты», что получилось вполне органично и наглым не выглядело.

– У меня есть фотографии, где мне меньше года.

– А фотографии настенной живописи, сделанной тысячи лет назад, у тебя тоже есть? Это фон, понимаешь? Вокруг тебя декорации – это кафе, официанты, здания на улице, твои друзья. Я. Я тоже фон.

– Фон вокруг меня?

– Точно.

– А я такой главный, и фон вокруг меня?

– Ты главный? Ты даже не до конца понимаешь, о чем я сейчас говорю. Ты даже не веришь мне до конца. Какой же ты главный? Ты не главный, просто фон здесь вокруг тебя. Роль у тебя такая.

– Это однозначно интересно!

– Альберт, я уверен, что ты знаешь, о чем речь. Хоть и не полностью.

Нельзя сказать, чтобы Альберт вообще был глух к сказанному. Он искал в себе отклик на услышанное, и даже глубоко в себе нащупывал этот отклик. Но отклик был, скорее, философский, нежели практический. Человек сидел рядом, продолжал говорить, вокруг были официанты, столики, какие-то другие посетители, стоял негромкий гул. За окном была дорога, сумерки и яркие вывески на другой стороне дороги. Были свежие воспоминания; усталость постепенно покидала Альберта, однако особого азарта к теме беседы не появлялось...

– Хорошо, другое подтверждение, которое ты никак не сможешь парировать, – продолжил Семен и даже улыбнулся своей смекалке, – ты видишь и воспринимаешь мир так, как будто он вокруг тебя, так?

– Конечно.

– Что я говорил? – довольно развел руками Семен.

– Все так воспринимают мир. Мои глаза внутри моей головы, и именно ими я смотрю на мир. Иначе и быть не может.

– Почему ты все время говоришь про всех, про каждого? Откуда ты знаешь, что видит каждый? Тот каждый, который не ты, это, например, я. А у меня все не так, как у тебя. И мир я вижу иначе, и воспринимаю его иначе, и задачи у меня другие. Я же тебе говорил: мы – декорации вокруг тебя. Ты видишь мир вокруг себя, а мы видим мир вокруг тебя. И это нормально!

– Если честно, Вы меня слегка шокируете. Спасает только то, что я, в общем-то, Вам не верю. Точнее, верю не всему, что Вы говорите. То, как я и другие видим мир, как я в нем взаимодействую с другими, что я здесь делаю, – это ведь не я все сегодня придумал за чашкой кофе, правильно? И других людей я не в первый раз сегодня увидел. Я с ними всю жизнь общаюсь, наблюдаю за ними, у них свои дела, своя жизнь, планы какие-то, размышления свои. И уж точно они меньше всего думают о том, чтобы послужить мне хорошим фоном, как Вы говорите.

– И что ты здесь делаешь? – терпеливо дослушав собеседника, спросил Семен.

– Сейчас точно не знаю..., – честно признался Альберт.

– А почему ты решил, что окружающий тебя мир и, в частности, люди, его составляющие, сами по себе? Только потому, что кто-то сказал тебе, что вечером будет смотреть телевизор? Или поедет на выходные в дом отдыха с семьей? Или потому, что какие-то вещи происходят за пределами твоего поля зрения, а ты узнаешь о них позже? Такая позиция не выдерживает никакой критики. Этот мир выстроен вокруг тебя для того, чтобы принять твою работу над ним. Вокруг тебя, но не для тебя. Состояние этого мира зависит от твоих действий, но создан он не для развлечения, а именно для действий. А ты бездействуешь, ты тратишь свое время и время жизни этого мира, того, который создан вокруг тебя, с неисчислимым количеством других жизней, жизней людей, животных, растений и других элементов. Ты думаешь, что я сейчас философствую, придумываю какие-

то красивые аллегории, а я говорю тебе непосредственно о том, что есть здесь и сейчас. В самом прямом смысле, который только и может быть. Ты сидишь, сложив руки, а мир вокруг тебя давно начал исчезать – уже не где-то в абстрактных далах, а прямо перед твоим носом. Ты думаешь, что твоя жизнь слегка пошла под откос, и завтра все встанет на свои места. А я говорю тебе, что этот мир не имеет тенденций к самовосстановлению. Если ты не исправишь ситуацию, то остатки твоей жизни истлеют прямо в твоих руках. И если по каким-то лишь тебе ведомым причинам твоя жизнь тебя не интересует, то моя меня интересует, и, уверяю тебя, всех остальных тоже интересует их дальнейшая судьба.

Семен допил чай. Все происходило наяву.

– Должен признать, разговор для меня необычный и интересный. Я бы, может, даже подумал, что Вы меня разыгрываете или снимаете для какой-нибудь веселой телепрограммы... Но то, что Вы говорите, для анекдота слишком самоуверенно. Вы сказали, Вас зовут Семен?

Семен кивнул.

– Семен, кем бы Вы ни были, и вне зависимости от того, насколько все, что Вы говорите, разумно и имеет под собой основания... Вы действительно считаете, что можно вот так просто подойти к человеку и зараз вывалить на него новое описание мира? Аналог или даже замену того, что человек впитывает в себя десятилетиями в обычных условиях?

– Альберт, давайте начистоту. Я Вам говорю те вещи, которые Вы и так знаете, должны знать к этому моменту. Может быть, без каких-либо деталей, может, что-то называете другими словами, может, что-то, о чем давно догадались, до сих пор не решились озвучить себе. Но Вы это знаете. Ваши задачи давно стучатся в Вашу жизнь. А то, что Ваш мир разваливается, говорит о том, что с определенного момента, – Семен отчетливо проговаривал каждое слово, – ты посчитал возможным игнорировать свою интуицию. А именно интуиция должна являться для тебя основным поставщиком верной информации.

Тебе уже тридцать лет, а ты изо дня в день открываешь электронные газеты и читаешь всякую ерунду, не имеющую под собой вообще, вообще ничего. Газетная информация – это просто набор слов, никак не относящийся к реальности, самая безмозглая и безвкусная, с моей точки зрения, часть фона. Но вот ведь феномен!! Газетам ты веришь, а интуиции...ты НЕ ВЕРИШЬ!

От восхищения сказанным и от абсурда описанной ситуации Семен расхохотался в голос, вытер выступившую слезу и продолжил, не переставая смеяться:

– Ты веришь газетам больше, чем самому себе, чем даже увиденному собственными глазами. Глядя на тебя, я вообще не понимаю, зачем было создавать все эти декорации такого потрясающего качества!!! Один я чего стою, а здесь таких миллионы! Клянусь, достаточно было дать тебе одну толстую газету, где написать, что угодно, – и вуаля! Ты уже обо всем в курсе!!!

Семен перестал смеяться и уже серьезно взглянул на Альберта:

– Ты уж не говори мне, что я тебе что-то совершенно новое рассказываю. А теперь давай, пожалуйста, перейдем к делу. Какие изменения ты собираешься подарить этому миру? Скажу сразу, уже нет времени дальше мямлить, отвечать, что не знаешь, и всякими другими способами посылать жизнь в далекие места.

Альберт по каким-то неведомым для него причинам уже несколько минут вполне четко понимал, о чем говорил собеседник. Нельзя сказать, чтобы Семен в какой-то момент изменил свою речь или вдохнул в слова исключительный смысл: скорее, будто на физическом уровне изменилось восприятие Альберта.

Восприятие изменилось. Но ответа на заданный вопрос все равно не было.

Альберт понимал, что не очень важно, откуда поступил этот вопрос, неважно, насколько прямо он поставлен и при каких обстоятельствах. На этот вопрос нужно было

давать ответ, и ответ этот нужно было давать срочно. Более того, именно он сам был ответственным и за длительную проволочку при постановке перед собой этого вопроса, и, видимо, за форму, в которой этот вопрос, в итоге, перед ним материализовался.

Застывший вопросительный взгляд собеседника не давал Альберту шансов на какое-либо замысливание вопроса. Альберт глубоко потянул в себя воздух, как бы планируя сказать что-то, и... выдохнул.

– *А если я действительно не знаю, что мне надо делать?* – спросил он.

– *Думаю, это ерунда. Точнее, ты, конечно, можешь не знать об этом открыто для себя, можешь только догадываться, можешь только чувствовать это... Может, ты эти мысли для себя пока четко не сформулировал или, там, забыл их на сегодняшней вечер, – не буду утверждать. В общем, должен знать. И я хотел бы их услышать. Хотя бы частично.*

– *А зачем?*

– *Этот вопрос настолько же сложный, насколько и простой. Ты как бы хотел, чтобы я на него ответил: сложно или просто?*

– *Средне. Чтобы было понятно,* – максимально миролюбиво ответил Альберт, который, впрочем, обратил внимание на некоторое нахальство собеседника.

– *Люди, которые окружают тебя, не все, но некоторые, и я в частности, помнят, для чего мы здесь. Мы здесь, чтобы составить тебе полигон для действий. У нас есть и другие, менее важные, задачи, но основная – в том, чтобы, как я уже говорил, являться твоим фоном. Ты реализуешься среди нас, и, поскольку мы составляем один и тот же мир, у нас общая эволюция, и мы вместе сделаем шаг вперед. Или вверх. Как тебе больше нравится...*

...*Итак, мы выполняем свои роли с ощущением ожидания. Мы не только выполняем то, что должны сами, но и ждем твоих действий. И на данный момент я наблюдаю, что ты крепко застрял в изучении этого мира и пользовании его благами. Вместо того, чтобы заниматься эволюцией. Своей и нашей. Из-за чего твой (и наш) мир постепенно покрывается трещинами.*

Альберт обернулся по сторонам: люди продолжали заниматься своими делами, и лишь два временно скучающих официанта поглядывали на них, беседуя возле барной стойки. Эти двое точно не ждали, что Альберт вот сейчас встанет и займется их эволюцией.

– *И сейчас я хочу убедиться, что ошибаюсь в своих умозаключениях, и уже совсем скоро все резко поменяется, ты приступишь к реализации своих фантастических возможностей, о которых никто ничего не знает, и дашь этому миру и всем нам то, для чего ты здесь и присутствуешь...*

– *Пипец какой-то,* – неслышно выразился Альберт.

– *Семен,* – Альберт прокашлялся и продолжил, – *я понял. И наш разговор я воспринимаю вполне серьезно. Но сходу сформулировать свои планы не могу. Я устал, чувствую себя не очень, и все, что я от Вас услышал, должен признаться, меня шокирует. Хотя суть того, о чем Вы говорите, в общем-то, мне понятна. И даже близка. Мне надо выспаться, переварить все это и немного подумать. Дайте мне время. Я соберу свои мысли, и мы продолжим беседу. Уверен, Вы можете дать мне много полезной информации. Я так понял, Вы периодически бываете в этой кофейне?*

– *Да. Только у меня к Вам дружеский совет: не пытайтесь восстанавливать мир в том виде, в котором Вы его привыкли видеть. Лучшие подумайте над моими словами и прислушайтесь, наконец, к самому себе. К своей интуиции. Мне было бы удобно быть здесь через неделю, у Вас будет время?*

– *Да,* – ответил Альберт, не особо задумываясь, планировал ли он что-либо через неделю, – *последние пару недель у меня много свободного времени...*

Новый знакомый Альберта без лишних слов вынул из кошелька деньги за чай и положил их на стол. Быстро оделся, пожал Альберту руку, заметив, что ему было приятно познакомиться, и зашагал к выходу.

Альберт посидел еще минут пять, доел свой пирог, попросил счет у официанта, стараясь не заглядывать ему в глаза. И вскоре также покинул кофейню.

Послевкусие

После беседы в кафе Альберт с трудом мог анализировать произошедшее. Поэтому первое время просто погружался в воспоминания этого разговора, раз за разом переживая отдельные его моменты. Поначалу он даже намеренно старался не думать, откуда взялся этот человек и насколько сказанное им вообще хоть как-то можно соотнести с реальностью. С одной стороны, диалог в кофейне резко вышвырнул из сознания Альберта то мысленное болото, в котором он пребывал последние недели, то утопая в нем все глубже, то ненадолго выбираясь на поверхность. Ясность сознания придавала новые силы. С другой стороны, уверенная позиция нового знакомого окончательно поставила под угрозу мировоззрение Альберта. И угроза эта, с учетом предшествующих встрече событий, была самая что ни на есть реальная.

Новая информация отторгалась Альбертом в буквальном смысле – физически. В первые моменты, когда Альберт пытался вникать в то, что говорил новый знакомый, к горлу его подступала тошнота, и ощущалось головокружение. Совсем не выдуманные, а вполне натуральные.

На следующий после кофейни день Альберт оказался в незавидном положении: ему приходилось балансировать на грани между тем, чтобы «прощупывать» в голове услышанное, и одновременно доказывать себе, что все это едва ли может быть правдой, дабы не потерять рассудок. Нарботанный уровень самоконтроля оказался тогда полезен, как никогда. Вместе с тем, Альберт отметил для себя неповторимую яркость восприятия в этот день и удивительно спокойное мышление. Это было сравнимо с тем, как после длительного прослушивания радио на плохом приемнике в месте с плохими условиями приема, вы вдруг натываетесь на радиоволну с чистейшим звучанием.

Чуть позже, уже примерно на второй день, Альберт стал постепенно приходить в себя, и, как ему показалось, ощущение какой-то надвигающейся неотвратимой силы стало спадать. Мысли стали более стабильны. В том смысле, что работали они снова на Альберта, точнее, на то его представление о мире, которое было присуще ему ранее. Мысли стали привычнее и немного послушнее, и Альберт решил для себя, что раз произошло то, что произошло, значит, надо спокойно сесть и выяснить для себя, что, собственно, имел в виду Семен, и что должен сделать он сам.

Но прежде Альберт чувствовал своим долгом переварить информацию о том, что поведал Семен о роли людей вокруг Альберта и о его роли в этом мире. При решении этой незамысловатой задачи Альберт поступил самым разумным способом из всех доступных. Он поднял в памяти несколько воспоминаний – из тех, что первыми приходят в голову, – и попытался присмотреться к людям, которые в этих воспоминаниях участвовали: как они смотрят на Альберта, что делают, есть ли какой-либо потаенный смысл в том, что они говорят... Вроде, ничего подобного не обнаруживалось.

Некоторое время спустя Альберт через окно наблюдал происходящее во дворе. Люди не заглядывали в его окна и как будто даже вообще не догадывались о его существовании. Некоторое подозрение вызывал высокий мужчина, сидевший на лавочке близ детской площадки. Но спустя пять минут пристального наблюдения за мужчиной, который ни разу не выказал ни капли внимания к многоэтажному дому, из окон которого велось наблюдение, Альберт уличил себя в начальных симптомах шизофрении и от окон отошел.

После он взял в руки телефон. Позвонил родственнику, жившему в другом городе, и поздравил его с днем рождения сына, который имел место пару дней назад. Родственник был в благодушном расположении, они пообщались минут пять, но, сколько Альберт ни

пытался уловить хоть каплю повышенного внимания к своей персоне, капель таких явно не наблюдалось.

Далее Альберт позвонил одному из бывших коллег. Коллега спешно сказал, что перезвонит через семь-десять минут, но не перезвонил. Альберт вспомнил, как когда-то тот рассказывал, что предпочитает без особой необходимости не общаться с безработными знакомыми, поскольку обычно все, что им нужно – это занять денег.

После того, как все разумные, по мнению Альберта, способы были перепробованы, он решил сделать ход конем и расставить все точки над «i». Несколько раз глубоко вдохнул, сильно зажмурил глаза, открыл их и набрал номер одного своего хорошего приятеля. И сразу сбросил звонок.

С минуту походил по комнате и нажал «повтор вызова». Через несколько гудков в трубке ответил бодрый голос приятеля.

– *Привет, это я,* – начал Альберт, пытаясь «звучать» бодро, – *есть пара минут?*

– *Для тебя всегда найдем! Что хотел? А, знаю, есть для тебя кое-что... Курьером пойдешь к нам?* – приятель изо всех своих приятельских сил пытался развеселить Альберта.

– *Кэнст... у меня к тебе очень серьезный вопрос...* – несмотря на веселый настрой приятеля, Альберт чувствовал, что сердце его стучало так громко, что, казалось, практически заглушало голос. – *Это правда, что я здесь основная роль, а вы, все, кто вокруг, живете, чтобы составлять мне фон?*

Кэнст молчал около двух-трех секунд. Ровно столько же, казалось, молчало сердце Альберта.

– *Охренеть... Кто тебе рассказал?!* – с ужасом в голосе спросил приятель, а через секунду прыснул со смеху так, что Альберту пришлось убрать трубку от уха. Отсмеявшись секунд десять и пытаясь отдышаться, Кэнст сообщил, что в курьеры Альберту лучше не идти, так как на зарплату курьера «такого много не купишь...».

– *Ничего серьезно нельзя спросить,* – также смеясь, сказал Альберт. И почувствовал облегчение.

Вернув себя в более привычную реальность, Альберт намеренно не стал перечеркивать весь разговор с новым знакомым. И даже временно отогнал от себя предположение, что встреча имеет все шансы оказаться недобрым розыгрышем со стороны друзей.

Если ранее произошедшие неприятности еще можно было истолковать с позиции невезения или черных полос в жизни, то было бы в высшей степени неуместным закрыть глаза на неожиданное новое знакомство. Какой бы странной не рисовал Семен логику положения вещей в мире, суть его запроса повторяла запрос Альберта к самому себе. И при таких обстоятельствах произошедшая встреча являлась дополнительным стимулом подумать над вопросом более предметно.

В то же время визит Семена привнес в жизнь Альберта новый виток смятения мыслей, испуг, стимул к размышлению, – все, кроме каких-либо доступных для понимания подсказок. Вчера Альберт спрашивал себя, что он делает неправильно и что должен сделать правильно. Сегодня об этом его спросил чужой и незнакомый человек.

Альберт несколько раз прошелся по квартире, в десятый раз прогнал себя из интернета и приказал себе думать.

Поиск

В своей жизни Альберт давно не встречал тем, которые не поддавались бы постижению посредством стандартных приемов мышления. Для понимания разных вещей требовались разные усилия, разное время, дополнительная информация, но все это в той или иной степени было доступно. Путь ко всем знаниям человечества был в любое время открыт на экране всезнающего монитора, и требовался лишь навык быстрой и продуктивной работы с большими объемами информации. У Альберта такой навык был, но в текущей ситуации перед ним стояла задача принципиально другого уровня. Универсального ответа на вопрос, в чем смысл жизни Альберта, человечество еще не сгенерировало. Единственным источником для вариантов ответа был сам Альберт, однако в своей голове ничего исключительного на эту тему он не находил. То есть голова его предательски выдавала лишь общепринятый набор банальных предположений. Дети, работа, творчество... Мир во всем мире. И ни одна из этих категорий не находила в нем заметного внутреннего отклика.

Альберт честно промучил себя размышлениями на тему смысла жизни несколько часов, после чего загрустил, а после и вовсе вернулся к самосожалению. В какой-то момент он даже рассердился на Семена за то, что тот лишь задавал вопросы вместо того, чтобы помочь в поиске истины.

По схожему сценарию прошла еще пара дней; одновременно Альбертом был отработан вариант розыгрыша со стороны друзей. Вариант этот, впрочем, тоже казался не слишком правдоподобным. Несмотря на то, что в разговоре и не прозвучало какой-то закрытой конкретики о жизни Альберта, высказывания нового знакомого и сама суть беседы казались настолько невероятными, что авторство ее сценария Альберт не готов был приписать никому из известных ему персон.

Несколько часов было потрачено на мониторинг социальных сетей с целью найти там Семена, идеально – среди контактов своих друзей. Снова мимо. Альберт пролистал страницы почти всех своих друзей, посмотрел сотни фотографий. Рассуждая так, как если бы сам хотел подстроить подобный разговор, просмотрел все возможные актерские группы. Побывал на сайтах театров города, взглянул на лица их актеров. Безрезультатно. Альберт искал иголку в стоге сена.

Вторая встреча в кофейне

Ровно через неделю с момента встречи с Семеном в кафе Альберт снова был там, сидя за чашкой кофе и ожидая продолжения интересной беседы. На тот момент Альберт, будучи человеком проницательным, остановился все же на разумной и, кроме того, удобной мысли, что Семен – это человек, подсланный кем-либо из его знакомых. Целью этой встречи, вероятно, являлся не розыгрыш, так как никакого розыгрыша не случилось. С большей вероятностью целью встречи (или встреч) могли стать психологические консультации и, возможно, поиск ответов посредством специальных техник или что-то похожее. Пожалуй, тоже довольно странно предоставлять услуги в такой неординарной форме, но...

Сердце на таком объяснении не успокоилось полностью, однако, если первая встреча явилась для Альберта полной неожиданностью, то на вторую встречу он шел морально подготовленным. Несмотря на полное фиаско с «домашним заданием».

Семен вошел в кафе с небольшим опозданием в том же полупальто, с чуть более приглаженной прической, что-то сказал официанту и практически сразу пошел к столику Альберта. Он пожал Альберту руку и извинился за небольшое опоздание. Выглядел он немного встревоженно и первым беседу не начинал. Через минуту официант принес чай Семена.

После небольшой паузы Альберт сам начал диалог в подчеркнуто дружелюбной манере:

– Семен, прошлой нашей беседой Вы действительно слегка вывели меня из равновесия. В целом беседа получилась содержательной, и для меня она сейчас более чем полезна. Я благодарен Вам: Вам удалось на время стабилизировать мои мысли, что дало мне возможность побыть некоторое время с холодной головой. А то я уже потерялся в своих зловключениях. Не знал, куда деваться... Вы психолог?

– Нет, я не психолог.

Альберт слегка поджал губы, как бы не настаивая на своей версии, но расстраиваясь, что собеседник не хочет признать правильность догадки.

– Семен, я действительно ценю Ваш труд, но я не любитель загадок и вообще таких форм работы, когда возникают какие-то ролевые игры и прочие вещи... Просьба: давайте немного поменяем форму общения. Мы взрослые люди, если Вы психолог, я могу самостоятельно оплачивать Ваши услуги. Если я ошибся, расскажите, кто Вы и что делаете. Уверю Вас, это принесет пользу нашей беседе. Иначе Вы все-таки заставляете меня пребывать в подвешенном состоянии. Это некомфортно. Я надеюсь, в Ваши задачи не входит поддержание такого моего состояния?

– Это точно не входит в мои задачи. Но мои задачи проще, чем Вы думаете. Мы с Вами договорились об одной вещи в прошлый раз. Давайте вернемся к этому разговору. Поскольку время имеет свои границы, что бы о нем ни говорили.

Альберта начинала раздражать настойчивость собеседника и его нежелание расставить все по своим местам. Тем не менее, Альберт, проявив привычную для себя гибкость, решил не делать это камнем преткновения.

– Ок. Вы спрашивали меня о моих планах и возможностях по отношению к этому миру. Отвечаю совершенно серьезно, несмотря на то, что Вы для меня чужой человек, я Вас второй раз вижу, и Вы ничего о себе не говорите. Планы у меня, похоже, вполне обыкновенные. Буду работать, жить, будут у меня дети. Может, вернусь к поэзии. Может даже, стану известным поэтом. И напишу что-нибудь такое, что точно всем понравится, – съязвил Альберт.

Семен пристально смотрел на Альберта, и Альберт начал снова находить в себе осадок от первой беседы, не проходивший пару дней. Даже расхотелось шутить.

– Я говорю серьезно: после нашей встречи я обсудил сам с собой все свои возможности. Но еще до того, гораздо раньше нашей первой встречи, я искал ответ на этот же вопрос. И пока не нахожу того ответа, который бы... Который бы позволил мне поиски остановить, потому как я сказал бы себе: вот, это то, что нужно, теперь готово, я буду стремиться, и я знаю, куда иду, и что делаю. Нет такого. Только предположения.

Семен молча смотрел на Альберта без каких-либо явных эмоций.

– И я сам не получаю от этого никакого удовольствия, – продолжил Альберт. – Я не могу нащупать ответ не потому, что ответ мне не нужен. А потому что у меня не получается этого сделать!

– Думаю, Вы не можете увидеть ответ, потому что все время смотрите не туда, – коротко парировал Семен.

Альберт приготовился слушать, но Семен, ограничившись одной репликой, продолжил молчание.

– Вы сможете помочь мне?

– Я? Нет, что Вы! Я попытался в прошлом разговоре, но... Да и вообще, с Вашей ролью едва ли можно найти достойных советчиков, кроме самого себя.

– И что теперь? – спросил Альберт, недолго любивший длительные паузы в разговоре.

– Ничего. Лично я уйду. И буду вынужден рассказать всем, что ждешь от тебя нечего. Мир, построенный вокруг тебя, скоро рухнет, и я не хочу находиться в нем в тот самый момент. И никто не захочет. Пойми правильно... Ты бы сделал так же.

И в этот момент Семен сделал беспрецедентную вещь – он встал, взял в руки свое пальто и артистично объявил на все кафе:

– Друзья, минуту внимания! Ждать от этого человека нечего. Это была провальная попытка мира. Очень жаль.

И, надев пальто, дополнил свое обращение к залу: – ...пошли отсюда.

В это время Альберт был занят тем, что пытался вспомнить, когда еще он попадал в такую нелепую ситуацию. Когда Семен обратился к посетителям кофейни, в зале стало тихо, гул умолк; и посетители, и официанты повернули головы к их столику. Когда Семен говорить прекратил, можно было услышать секундную стрелку часов, висевших над барной стойкой.

Люди, находившиеся в помещении, проводили взглядом уходящего Семена, стали переглядываться между собой, и Альберт решил, что минута славы счастливо миновала. Однако люди один за другим стали также подниматься с мест, одеваться и выходить из кафе. Кто-то из официантов прошел к кассе и, видимо, закрыл ее на ключ, кто-то прошел в кухню и что-то сказал там; некоторое время наблюдалось движение, за которым с приоткрытым ртом наблюдал Альберт до тех пор, пока, наконец, кафе полностью не опустело.

– Розыгрыш! – пронеслось в голове у Альберта, – Портнов. Хитрый сукин лис!

Осознание

Альберт улыбнулся своей мысли и громко, словно находясь на одной сцене с ушедшими посетителями, произнес в сторону барной стойки: «Счет, пожалуйста!». Не получив ответа, Альберт рассмеялся и зааплодировал. Через минуту он, все еще в глубине души ожидая, что актеры вернуться на сцену для финального поклона, достал кошелек, отсчитал деньги за кофе и ушел из кофейни.

Следующий день для Альберта начался, как начиналось для него большинство дней в течение не только последних недель, но и месяцев: с ощущения бессмысленности происходящего. Ощущение это большую часть времени не было резким, иногда о нем вполне можно было забыть, но только не утром, когда после снов происходящее кажется особенно неправдоподобным. Еще лежа в кровати, Альберт, не спеша, распробовал суховатый привкус этого ощущения, посмотрел в потолок, на часы, на телефон и пошел чистить зубы.

Несмотря на то, что Альберт в период отсутствия работы старался сильно не сбивать график бодрствования, последние дни будильником он пользоваться перестал. И в этот день проспал удивительно долго. Лишь встав с постели, Альберт понял, что звуки его шагов и движений звучат необычно отчетливо в отсутствие привычного звукового фона. Приоткрытые окна не впускали никакого гула с улицы, шумные соседи сверху затаились, либо вовсе ушли из квартиры всей своей огромной семьей. Не было слышно лифта, и из дома будто вовсе исчез мусоропровод, периодически напоминавший о себе стремительно приближающимся стуком всякого выброшенного вторсырья...

Впрочем, эта мимолетная проблема была решена находчивым Альбертом включением музыки. Под музыку он сделал себе завтрак и сел есть, одновременно посматривая в окно. Мысли его были полностью погружены в пережитое вчера в кафе представление: неожиданное и курьезное. Альберт решил, что непременно вечером снова зайдет в кофейню и лично скажет официантам, что представление получилось грандиозным. Пусть не считают его неблагодарным зрителем.

Альберт набрал номер Портнова, но никто не ответил. Он даже предположить не мог, в какие средства Портнову – а скорее всего, именно он организовал эту выходку – вылилось закрытие кафе раньше времени. У Портнова были знакомые рестораторы, но чтобы устроить такое, нужно, чтобы на одной дорожке встретились и действительно креативные люди с юмором, и относительно немалые для однократного представления деньги.

Не доев, Альберт внезапно оделся и спустился на улицу, на которой на протяжении всего завтрака, вопреки всякой логике, не появилось ни одного человека и не проехало ни одной машины. Постоял во дворе, послушал тишину, посмотрел по окнам и вернулся в квартиру.

На какое-то время Альберту стало жутковато, но, включив компьютер и зайдя на новостной сайт, он почувствовал облегчение: на новостной ленте почти ежеминутно появлялись разные заметки, одна незначительнее другой, как это обычно бывает. Политика, трупы, газопроводы... Ничего серьезного. Читая новости, Альберт доел завтрак, послушал длинные гудки, снова позвонив Портнову, заглянул в электронный ящик, ожидая по привычке откликов на разосланное ранее резюме... Собственно, планов на этот день никаких не было, и факт этот однозначно сулил размеренное времяпрепровождение за чтением книг и утопанием в интернете. Без каких-либо походов на улицу. В кафе, пожалуй, в другой раз.

Уже через несколько минут Альберт, ведомый внутренней тревогой, снова стоял во дворе. Зачем-то с ключом от машины, находящейся в другом конце города в недвижимом состоянии. Альберт чувствовал, что его мыслительный процесс, который обычно течет без каких-либо усилий с его собственной стороны, вопреки себе же становится все более пре-

рывист. И требуется направленно вкладывать в него силы для поддержания. Паузы, возникающие в течении мыслей, были переполнены тревогой. И эта тревога, не поддаваясь никаким попыткам самообмана, быстро перерастала в панику на самом глубоком уровне, который Альберт мог себе представить. Когда он спускался по лестнице, стремясь попасть на улицу, его разум практически не принимал в этом участия. Единственное, что Альберт смог сделать для себя, – это забыть в квартире телефон как последнюю надежду, к которой он обязан будет вернуться в случае полного фиаско с поиском людей на улице.

Альберт помнил себя быстро шагающим через дворы в сторону ближайшей дороги, обычно наполненной машинами. Несмотря на полное отсутствие признаков любой жизни вокруг, холодный воздух позволил Альберту немного успокоиться и даже частично систематизировать мысли.

Альберт судорожно перебирал в голове части бесед с Семеном, пытаясь сопоставить рассказанную им версию окружающего мира с тем, что происходило в данный момент...

...Семен сказал, что уходит. И позвал всех за собой. И все люди, находящиеся в кафе, вышли! Это абсурд. Но я видел это собственными глазами. Это точно был розыгрыш, поскольку то, что рассказывал Семен про положение и взаимозависимость людей и, в первую очередь, мое положение в мире, – все это было исключительной чушью, верить в которую было бы нелепо. Сейчас как никогда нельзя принимать во внимание вчерашний инцидент – для поддержания здравого рассудка это уже вопрос стратегический...

Альберт дошел до дороги и не обнаружил на ней совершенно никакого движения. Вдоль обочин, как обычно, кое-где стояли машины, перед глазами была пустая автобусная остановка. Дорога была видна на полкилометра в одну сторону и на пару километров в другую. Вдалеке был перекресток с провисшими троллейбусными проводами. Ни одного движения, ни одного падающего листа, ни дуновения ветра. Все словно остановилось.

Альберт, позволив себе на секунду очароваться такой картиной, вспоминал кадры из каких-то фильмов, где люди оставались одни во всей вселенной. После природных катастроф мирового масштаба или ядерных взрывов. Пожалуй, киноплёнка не могла донести и одной тысячной тех опустошающих эмоций, которые испытывает в этой ситуации человек, и той сияющей красоты, которая исходит от совершенно обыденных мест и предметов в отсутствие привносимой человеком суеты.

Собственно, пустая дорога, вопреки любой логике, на какое-то время лишь породила в Альберте убеждение в том, что ничего необратимого не случилось: то, что причины столь таинственного исчезновения всего и вся не известны, еще не говорит о том, что эти причины носят сверхъестественный характер. Их надо лишь найти и разобраться в них.

– Люди в домах! Элементарно! – мелькнула в голове Альберта спасительная мысль. – *Возможно, какое-то предупреждающее сообщение по телевидению, что-то незамеченное им в новостях в сети...*

Теперь пришел черед Альберта опасаться своего пребывания на улице. Он еще раз огляделся, отыскивая признаки угрозы, и торопливо побежал в сторону дома.

Перед тем как вернуться в квартиру, Альберт позвонил в двери нескольких соседних квартир. Никакого шевеления в них не услышал, двери также никто не открыл. Альберт вернулся домой, взял телефон и, сохраняя остатки спокойствия, начал набирать номер за номером из телефонной книжки. Результат был предсказуем.

Ощущая новый прилив паники, Альберт снова спустился во двор и стал внимательно смотреть в окна, пытаясь разглядеть в них хоть какое-то движение. Потратив на это занятие около трех минут, которые для самого Альберта показались тремя часами, он оглядел тротуар и подобрал кусок асфальта размером с кулак. План был прост, и его исполнение мгновенно дало бы ответ на многие открытые вопросы. Социальная часть Альберта говорила ему не смей кидать камни в окна. Поскольку природные катастрофы – катастрофами, а разбитое

стекло, если что, придется менять. А дополнительно ненароком этим камнем вообще можно разбить что-либо ценное внутри чужой квартиры, включая голову ее законного владельца. Что ж, непреднамеренное убийство и срок могли бы, пожалуй, стать вполне закономерным завершением череды неприятностей, происходящих одна за другой в жизни Альберта.

Стоя с куском асфальта в руке, Альберт поймал себя на мысли, что сделать очень простую вещь иногда бывает очень непросто. Даже когда не сомневаешься в ее необходимости. Отодвинув в себе остатки губительной социоподчиненности – а именно такое название Альберт подобрал для найденного им феномена, – он замахнулся и под учащенное сердцебиение со всей силы бросил камень в окно квартиры на первом этаже соседнего дома.

И промахнулся. Камень ударился в стену в каком-то полуметре от окна, соседнего с тем, в которое целился Альберт, только этажом выше. И обидно шмякнулся на землю. В душе обрадовавшись промаху, Альберт плюнул с досады, будто именно в этот момент на него смотрели из всех окон рядом стоящих многоэтажек, и снова отправился домой.

Поднимаясь по лестнице в подъезде, уже третий раз за последние полтора часа, Альберт размышлял над тем, какие еще шаги предпринять для поиска истины, но, зайдя в квартиру, оставил дверь открытой настежь, сел за стол и придвинул к себе компьютер. Информация на новостных сайтах по-прежнему обновлялась с завидной регулярностью. Сервис дорожных пробок показывал затрудненное движение по многим улицам в центре города, в том числе на улице, на которой еще двадцать пять минут назад стоял сам Альберт в полном одиночестве. По телеканалам транслировались самые разнообразные передачи, одна из которых шла с пометкой «Прямой эфир». Двое мужчин, один из которых, особо чванливый, был, видимо, каким-то депутатом какого-то местного срань-собрания, а второй, попрличнее, ведущим, спокойно беседовали про реализацию планов текущего года и предвыборные обещания. Депутат рассказывал про то, что почти ничего не сделано, но к нему это не имеет никакого отношения. Ведущий, не пытаясь называть вещи своими именами, послушно кивал и из всех подготовленных вопросов, будто специально, выбирал наиболее удобные.

– *Точно куклы,* – заключил Альберт, вспоминая первый разговор с Семеном, где тот смеялся над его верой в медиа-информацию. – *Пелевин не шутил. Это точно куклы.*

– *Тупые! Бездарные! Куклы!!*

Альберт сшиб рукой ноутбук со стола, несколько раз прерывисто ударил кулаком об стол и секунду спустя зарыдал в голос. Так, как не рыдал, наверное, с самого раннего детства.

Конец мира

Около пяти часов вечера Альберт сидел на диване, глядя в стену перед собой. День принес глубокое опустошение. Ожидать каких-то изменений было бессмысленно, несмотря на то, что все могло измениться еще сто или тысячу раз в течение минуты: после событий вечерних и утренних уже нельзя было утверждать хоть что-то наверняка. И, тем не менее, последние события давно стояли на пороге. Сейчас это было ясно, как никогда ранее. Никто ни о чем даже не намекал: пришел человек и все подробно рассказал заранее. Будто в самой незамысловатой детской сказке.

Альберт ждал. В его голове, где перепуганные мысли уже приутихли, возникали образы из разных периодов его жизни, в основном из последних событий, и отдельные моменты беседы с Семеном он будто просматривал заново со стороны.

Мир, построенный вокруг тебя, скоро рухнет, и я не хочу находиться в нем в тот самый момент. И никто не захочет. Пойми правильно... Ты бы сделал так же.

Альберт видел каждую морщинку на лице Семена, каждое движение его губ, произносящих эти слова.

– *Если мир рухнет, то пусть будет так!* – произнес про себя Альберт, и последнее слово совершенно внезапно одновременно прозвучало где-то в стороне, в звуке, схожем с громким падением капли воды на твердую поверхность: цок! Альберт резко обернулся на звук, и от ужаса у него прервалось дыхание: воспринимаемая картинка перед глазами не успела за скорым поворотом головы, будто запаздывая. Это было так, словно, находясь в кромешной темноте и разглядывая предметы в тусклом круге луча от ручного фонарика, он сначала повернул бы голову, и лишь спустя доли секунды перевел луч фонаря в то место, куда посмотрел. И в возникшей на мгновение слепой зоне Альберт ощутил – назвать это словом «увидел» было бы неверно – множество ледяных теней, движущихся и находящихся в статичном состоянии. Хотя такие категории с трудом передавали суть содержимого слепой зоны. Более того, само ее присутствие давало ощущение подложки под тем, что транслировалось в мозг через зрение.

Альберт снова резко повернул голову в другую сторону, и его тело само скакнуло на полметра в направлении, противоположном взгляду, к краю дивана. Несколько секунд Альберт не двигался и не дышал, сохраняя перед глазами привычный вид. Повернул голову медленно: комната сохранила свою целостность, при медленном движении разрывов в восприятии не было.

Такого ужаса Альберт еще не испытывал. Он намеренно, через силу, заставил себя возобновить дыхание. Несмотря на явную нехватку кислорода, привычная функция неосознанного дыхания полностью выключилась. Дыхание, инициируемое рассудком, получалось сбивчивым и неглубоким. Все тело сковал сильный спазм. Альберт понимал, что в реальности перед ним находится совсем не то, что он видит. И там, за пределами его зрения, тени... Вокруг и везде. Никаких иллюзий.

Еще через минуту в стороне стал слышен надвигающийся гул; гул усиливался, и где-то внутри себя Альберт отчетливо знал, что источник этого гула приближается к нему. За доли секунды Альберт оказался затоплен паникой. Хотел встать, но оказался прикован к дивану: тело уже не слушалось. В ту же секунду он, повинувшись какой-то неосознанной памяти, резко абстрагировался от паники, сконцентрировал внимание где-то на уровне затылка и провалился в черный туннель, ощущая одновременно, что перемешивается с этим туннелем, и в общей черноте вокруг быстро растворяются остатки его сознания.

Часть третья. В новом пространстве

Лекция

Альберт обнаружил себя в аудитории с высоким потолком и пятью большими окнами. Ряды сидений под небольшим углом поднимались вверх от сцены, Альберт сидел ближе к задним рядам. Снизу, на невысоком помосте, находился лектор, однако кроме него и Альберта в аудитории никого не было. Невысокий мужчина, около сорока лет на вид, в хорошо скроенном костюме, выступал перед пустым залом, судя по всему, репетируя какую-то речь. Единственного слушателя он не замечал, либо просто не останавливал на нем взгляда. Альберту стоило усилий сконцентрировать внимание на том, что именно говорил лектор: пространство было чуть более вязким, чем обычно, что делало перенос внимания между объектами затруднительным.

– ...итак, для сомневающихся я могу с легкостью доказать, что вы находитесь в процессе растворения, и ваши мысли полностью заняты Мантрой, не оставляя вам ни капли энергии для осознания окружающего вас мира...

В ходе речи лектор переводил взгляд между пустыми сидениями, словно ему внимали невидимые слушатели; его лицо было живо, однако эмоции умерены.

– Представьте, что когда вы смотрите на этот мир, вы смотрите кинофильм. Постарайтесь зафиксировать эту мысль на несколько секунд. Осмотритесь вокруг, посмотрите на окружающие вас вещи. Если у вас достаточно стартовой энергии для фиксации на указанной мной мысли, уже через несколько секунд увиденный вами мир начнет слегка удивлять вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.